

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ

Алексей МАКЕЕВ

**ОБЪЯТИЯ
БЕЗДНЫ**

20 ЛЕТ
ВМЕСТЕ
С ВАМИ

СЕРИЯ ОСНОВАНА В 1993 ГОДУ

Алексей Викторович Макеев
Николай Иванович Леонов
Объятия бездны (сборник)
Серия «Полковник Гуров»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6060103

Леонов Н. И. Объятия бездны : романы : Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-65585-4

Аннотация

Полковника Льва Гурова разбудил среди ночи телефонный звонок. Звонивший, генерал Орлов, сообщил, что буквально пару часов назад четверо молодых людей выбросились с балкона пятнадцатого этажа элитного дома. Все погибшие – дети очень высокопоставленных людей, в том числе сотрудника Администрации Президента. И именно поэтому это дело поручается ему, Льву Гурову, самому лучшему столичному следователю. Полковник начинает расследование и очень скоро приходит к выводу, что оснований для совершения суицида у молодых людей не было. Но и убийством случившееся не являлось – есть неоспоримые доказательства. Так что же заставило четверых богатых и здоровых парней распрощаться с жизнью?..

Содержание

Объятия бездны	4
Конец ознакомительного фрагмента.	142

Николай Леонов, Алексей Макеев Объятия бездны (сборник)

Объятия бездны

«Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется», — писал Федор Иванович Тютчев. Но, если «слово» поменять на «дело», смысл, в общем-то, останется тот же. Ведь Александр Грехем Белл, патентуя в 1876 году телефон, тоже не предполагал, какой шквал яростных высказываний будет вызывать через поколения его изобретение. Впрочем, если авторство Белла все-таки подвергается некоторому сомнению, то разбуженный среди ночи полковник-важняк Лев Иванович Гуров был взбешен без всякого сомнения. Он откровенно высказался сначала в адрес самого телефона, потом его изобретателя, а сняв трубку стоявшего на прикроватной тумбочке аппарата, собрался было поступить точно так же с самим звонившим, но не получилось, потому что это был генерал-майор Петр Николаевич Орлов, его друг и начальник. Причем сначала друг, а уже потом начальник, который ни в коем случае не стал бы беспокоить Гурова, если бы у него самого земля под ногами не горела. А никто другой просто

не решился бы будить Гурова – все-таки положение уже не то, чтобы его, как мальчишку, по тревоге поднимали.

– Что на этот раз? – раздраженно буркнул Лев.

– Пока не знаю, Лева. Меня самого замминистра с постели поднял, но и он толком ничего не знает: то ли массовое самоубийство, то ли убийство, – ответил Петр. – Но в деле замешаны дети очень, – подчеркнул он, – высокопоставленных родителей.

– Господи! – простонал Гуров. – Как же я не люблю эти дела! Чуть копнешь поглубже – и в такое дерьмо вляпаешься, что потом отмываться замучаешься! Слушай, а может, ты как-нибудь без меня? – просительно сказал он. – Ну, придумай что-нибудь! Имею же я право заболеть, в конце концов!

– Прости, Лева, но приказали поручить это дело именно тебе. Ты же у нас лучший из лучших, а за славу надо платить! Так что жду тебя на месте то ли преступления, то ли происшествия – это уж как карта ляжет. Кстати, Стаса я уже вызвал и только потом тебе позвонил – цени, что дал тебе хоть немного еще поспать!

– Отец-благодетель, блин! – не сдержался Лев, но Петр его уже не услышал, потому что положил трубку.

Настроение Гурова, и так далеко не безоблачное, было испорчено окончательно. Днем его жена Мария Строева, народная артистка России, надолго уехала за границу на съемки, но это дело обычное, а вот то, как она тщательно и придирчиво собирала сумку, рассматривая каждую вещь только

что не под микроскопом, прежде чем положить ее в чемодан, Льву не понравилось. И хотя он подумал, что проблемы нужно решать по мере их возникновения, а не накручивать себя раньше времени, некоторый неприятный осадок в душе остался. А теперь еще это дело добавилось! И он не без оснований предполагал, что нервы ему потреплют изрядно. Плавали! Знаем!

Элитная высотка в тихом центре Москвы, несмотря на глубокую ночь, светилась огнями, как новогодняя елка гирляндами. Это сравнение было тем более уместным, что очень многие окна оставались темными: кто-то покупал квартиры для вложения средств, потому что недвижимость в Москве никогда не подешевеет, а кто-то был просто в отъезде – лето, август, сезон отпусков, и этим все сказано.

Подъехав ближе, Лев был вынужден оставить машину, потому что оцепление выставили неслабое – уже за квартал до высотки никого не пропускали. Гуров достал удостоверение и пошел дальше пешком, причем предъявлять его приходилось постоянно, буквально через каждые несколько шагов. Добравшись, наконец, до высокого решетчатого забора, ограждавшего территорию вокруг высотки от внешнего мира, Гуров увидел, что все пространство перед воротами заставлено автобусами СМИ – такие новости, как ни старайся, в тайне не сохранишь, потому что любой дежурный или кто-то еще не прочь подзаработать и слить горячую инфор-

мацию журналистам. А вот за воротами, наряду с крутейшими иномарками жильцов, соседствовали машины полиции, «Скорой помощи» и труповозка. Журналисты прилипли к забору, нацелив свои видеокамеры между прутьями на то, что происходило внутри, потому что дальше их не пускали. Бойцы оцепления стояли насмерть, на льстивые речи не поддавались, на взятки не клевали и ничего не говорили. Лицо Гурова было пишущей братии хорошо знакомо, и все тут же бросились к нему.

– Господа журналисты, – предупреждая возможные вопросы, быстро проговорил он. – Вы сами видели, что я только что подошел, поэтому при всем желании ничего вам сказать не смогу, сам еще ничего не знаю. На том извините.

Не без труда и под вспышками фотографов – как знать, вдруг какой-то кадр когда-нибудь да пригодится? – он пробился сквозь толпу и вошел за ворота. Суета там творилась страшная, люди метались, как оглашенные, крик стоял такой, что уши закладывало, и Лев, правильно сориентировавшись, направился туда, откуда раздавался самый громкий – не зря же говорят: орет, как потерпевший. И застал он картину классического начальственного разгона, причем устраивал ее не Орлов, а какой-то совершенно незнакомый Гурову гражданский тип, и как раз Орлову. Петр же стоял, багровый от ярости, но, видимо, ничего сделать не мог, вот и приходилось терпеть. Гуров хорошо знал, что у страдавшего повышенным давлением Петра после вот таких разносов мо-

жет гипертонический криз случиться, и решил вмешаться.

– Господин генерал-майор! Полковник Гуров по вашему приказанию прибыл! – сказал он.

Ответить ему Петр не успел, потому что гражданский тип мигом переключился на Льва:

– А-а-а! Так вы и есть тот самый знаменитый Гуров! – воскликнул он. – Долго же собирались! Ваш начальник уже давно на месте преступления, а вы не соизволили поторопиться!

– Представьтесь, пожалуйста! – попросил Гуров, хотя никаких просительных интонаций в его голосе как-то не прозвучало – это был скорее приказ. – Должен же я к вам как-то обращаться.

Это было, в общем-то, справедливо, и гражданский называл себя:

– Алексей Юрьевич Попов, член Администрации президента.

– Что член, уже вижу, – безразличным тоном заметил Гуров.

Взгляд Попова мигом изменился: только что он был гневным и одновременно немного растерянным, а тут вдруг стал холодным, словно два ружейных ствола на Льва смотрели.

– Я думал, что вы наш новый министр внутренних дел или, по крайней мере, его заместитель, раз позволяете себе так орать на генерала полиции, – продолжал Гуров. – А вы, оказывается, человек гражданский. Кто же дал вам право оскорблять сотрудников полиции при исполнении ими слу-

жебных обязанностей? Кто наделил вас такими полномочиями? Президент России? Глава Администрации? Полагаю, что ни тот ни другой. Так что это ваша неорганизованная самодеятельность и личная инициатива. Вон там за воротами журналистов собралось – видимо-невидимо. Я сейчас к ним выйду и расскажу о вашем поведении – вот уж они обрадуются! Их же хлебом не корми – только дай возможность властей предержавших помоями облить. Ну, и долго вы после этого членом, – выразительно произнес он, – останетесь?

– У меня только что сына убили! – четко и отдельно произнес Попов.

– Я сочувствую вашему горю, но это еще не повод, чтобы унижать честь и достоинство высших офицеров, – заметил Гуров. – Кроме того, как я понял, могло иметь место самоубийство, так что не будьте столь категоричны.

– Мой сын и самоубийство – вещи несовместимые! – твердо заявил Попов. – Он не мог его совершить!

– Тогда самое лучшее, что вы в этот момент можете сделать, – это утешить свою жену, – посоветовал Лев, кивком показав на труповозку, где, прислонившись к ее грязному боку, рыдала какая-то женщина. – А мы тем временем начнем работать. Засим разрешите откланяться.

Гуров взял Орлова под руку и отвел в сторону. Петр достал из кармана пузырек с лекарством и бросил под язык сразу две таблетки, потом вытер лицо большим клетчатым носовым платком и только после этого сказал:

– Да, Лева! Ты действительно безбашенный! Ни авторитетов, ни законов не признаешь! Думаешь, ты его окончательно укротил? Фигушки! Он завтра на работе такую бучу поднимет, что как бы нам погон не лишиться!

– Брось, Петр! – отмахнулся Лев и насмешливо добавил: – Членов много, а Гуров – один! Ты же знаешь, я не пропаду! А со мной и ты со Стасом! Так что мы еще проживем! Кстати, где Крячко? Ты же его раньше, чем меня, поднял, значит, уже должен быть здесь, а его не видать.

– Вот он-то как раз уже всю работу! В самой гуще событий, можно сказать! В самом центре кипящего котла страстей! – ехидно ответил Орлов.

– И это в благодарность за то, что я тебя от Попова спас! – притворно вздохнул Лев. – Ладно! Шутки в сторону! Что здесь произошло?

– А я знаю? – огрызнулся Орлов. – Только разбираться начал, как на меня Попов налетел. Это Стас, мигом сориентировавшись, бросился все подробности выяснять, так что нужно его подождать.

– Некогда ждать! Пошли его искать, – предложил Лев.

Станислав Васильевич Крячко, тоже полковник-важняк, был третьим в этой компании друзей. Он уступал Льву во многом: не был таким блестящим аналитиком, не мог на несколько ходов просчитать поведение преступника и возможное развитие ситуации или, например, вытянуть из свидетеля то, что тот и видел-то мельком, причем уже давно, но

вот опером был от Бога! Разговорить нужного человека на любую тему для него – раз плюнуть, мгновенно стать своим в доску в чужой компании – проще простого, перевоплотиться в бомжа, алкаша да в кого угодно – дело простое и привычное. И в этом Гуров уже ему уступал, потому что при своей, как когда-то шутили, белогвардейской внешности и холодной вежливости втереться в доверие к человеку ему было сложно, а вот пройдоха Стас, хитро поблескивая глазами, мгновенно располагал к себе, а уж когда начинал рассказывать анекдоты, причем мастерски!.. В общем, в этом он Гурова переигрывал начисто! Вот и сейчас Лев понимал, что Крячко уже успел узнать намного больше, чем смог бы Орлов из самого подробного доклада.

Тем временем труповозка уже уехала, да и большая часть машин – тоже. Возле дома остались только свои, так что можно было поговорить свободно, но в целях безопасности – журналисты не дремали! – в помещении. Для этих целей был выбран холл дома, где и присесть есть на что, и охранника предварительно выставили покурить во двор.

– Что мы имеем? – спросил Орлов. – И давай без «товарищ генерал» и всего такого! Пока в общих чертах, а там будем копать вглубь. Кто начнет?

– Давайте я, – предложил какой-то незнакомый человек в гражданском и представился: – Полковник Симонов, начальник райуправления полиции, правда, пребываю в этой должности всего около месяца – был переведен из Бирюлево.

– Минутку! А где Тихонов? – удивился Гуров.

– Ушел на повышение в городское управление, – ответил Симонов.

Услышав это, Орлов и Гуров недоуменно переглянулись, потому что оба хорошо знали цену Тихонову – тот, мягко говоря, звезд с неба не хватал, да и сволочью был изрядной. Но сейчас ни думать на эту тему, ни удивляться такому внезапному и еще более неожиданному повышению довольно слабого работника было некогда, и Петр сказал:

– Докладывайте, полковник!

– Вызов от охранника, что в этом доме работает, поступил в 1.21 ночи, – начал тот. – Он сказал, что ему позвонили из одной квартиры и сообщили, что мимо их окон пролетело что-то большое, непонятное, но ужасно кричащее. Парень вышел посмотреть и увидел на асфальте четыре голых мужских тела, лежавшие лицом вниз. Хотя телами их назвать было уже нельзя – окровавленные мешки с костями. Он к ним даже близко подходить не стал – и так было ясно, что жмурилки, и тут же позвонил дежурному райуправления. Дом, сами видите, какой – сплошные шишки живут, так что выехали сюда сразу по полной программе, да и мне мигом сообщили, поэтому я тоже практически с самого начала здесь. Тела сфотографировали, перевернули, но ясности это не внесло, потому что от лиц практически ничего не осталось. Охранник к тому времени уже проблевался, нашатыря нанюхался, в общем, более-менее в себя пришел и сказал, что это,

скорее всего, Юрий Попов из 28-й квартиры, что на пятнадцатом этаже, и три его друга, которые где-то за полчаса до этого пришли, причем были они веселые, радостные, ржали все время. Мы туда сначала по телефону позвонили – вдруг охранник ошибся? Долго звонили, но никто не отвечал. Потом поднялись, стучали в дверь, звонили... Без толку. Решили дверь вскрывать, но тут охранник насмерть встал: не положено! Надо хозяина вызывать, а это Попов из Администрации президента. Он эту квартиру сыну оставил, а сам за городом живет. Стали ждать. Приехал Попов довольно быстро, причем вместе с женой. Та во дворе, как увидела, что на асфальте лежит, так и рухнула. А папаша начал кричать, что это не может быть его сын и все такое, а потом вместе с нами на этаж поднялся – у него ключи были. Тут-то и выяснилось, что дверь изнутри закрыта. Пришлось взламывать. Вошли, в доме никого, на столе остатки застолья – четыре человека гуляли, одежда разбросанная, включая трусы. Мы посмотрели содержимое борсеток, что в холле на тумбочке валялись, а там документы, так что имена пострадавших у нас есть. Вот и получается, что это самоубийство в чистом виде – сами они выпрыгнули. Во-первых, раз квартира была изнутри закрыта, то в ней никого, кроме них, не было, потому что снаружи закрыть дверь на защелку невозможно. Во-вторых, для того чтобы сначала раздеть догола, а потом выбросить с балкона четырех парней, взвод командос нужен. А следов борьбы в квартире нет – значит, они не сопротив-

лялись. Но вот почему они это сделали? Черт его знает! Может, обкурились или наглotalись чего-нибудь, потому что ни шприцов, ни ампул мы вот так с ходу в квартире не нашли. А уж что именно это было, экспертиза покажет. В квартире все еще криминалисты работают, и им там до утра возиться – метраж-то огромный.

– Родителям остальных потерпевших сообщили? – поинтересовался Гуров.

– Нет еще! Тут и так было столпотворение. Попов же, как все это увидел, так тут же за телефон схватился! Не знаю уж, кому он звонил, но только всю королевскую конницу и всю королевскую рать на ноги поднял! И ОМОН неизвестно зачем пригнали, и оцепление выставили такое, что муха не пролетит. Нам еще родителей остальных троих здесь не хватало!

– Поквартирный обход провели? – спросил Орлов.

– С ума сошли? – возмутился полковник. – Вы на часы посмотрите! Ночь на дворе! Жильцы мало того что дверь не откроют, так еще и нажалуются! Мне это надо? До утра потерпит!

– Ну, вряд ли люди могут спать, когда у них под окнами такое творится, – заметил Лев. – Я, когда подъезжал, видел, что во многих квартирах свет горел. Да и ходить-то нужно не по всем, а посетить только те, что на одной лестничной площадке или выходят на эту же сторону.

– В этом доме 22 этажа, подъезд только один, и из хол-

ла можно на разных лифтах в оба крыла подняться, – начал объяснять Симонов. – В том, где 28-я находится, на всех этажах только по одной квартире и есть, и окна у них выходят на три стороны, в том числе и на эту. А вот из другого крыла то место, где покойники упали, не просматривается.

– Таким образом, увидеть произошедшее могли только из двадцати одной квартиры? – уточнил Гуров. – Кто-то мог, перегнувшись через перила балкона, посмотреть наверх, а уж те, мимо кого эти четверо пролетали, не заметить их просто не могли, как и те, кто позвонил охраннику.

– Перегнуться через перила балкона невозможно, потому что они очень высокие и широкие. Максимум, что можно сделать, – это высунуть голову и посмотреть наверх или вниз. Охранник сказал, что сейчас жильцы находятся только в четырех из нужных нам квартир, но это такие люди, что лично я к ним ночью не сунусь.

– Огласите весь списочек, пожалуйста, – попросил Крячко голосом забулдыги из известной комедии.

От неожиданности Симонов вздрогнул, а потом взвился, как ужаленный:

– Как вы можете хохмить в такой момент? Лично мне не до шуток!

– Ты чего орешь? – уже нормальным голосом сказал Крячко. – И так ведь ясно, что район это дело вести не будет. Опять на нас свалят! Иначе зачем бы нас сюда среди ночи дернули? Так что причеши нервы! Ты сейчас отсыпать-

ся пойдешь, а нам колготиться до утра! Давай сюда листок! Нечего его мусолить!

Полковник прекрасно понимал, что Крячко прав, так что мигом успокоился и бумагу отдал, но для вида немного поворчал. Просмотрев список, Лев сказал:

– Я беру себе Данилина, а ты остальных.

– Младшенького завсегда обидеть просто, – захныкал Стас.

– Неужели действительно прямо сейчас пойдете? – все еще недоверчиво спросил Симонов.

– Тут Петр Николаевич недавно назвал меня безбашенным, вот и буду репутацию оправдывать, – пожал плечами Гуров.

Крячко же начал со слезой в голосе тихонько напевать: «Наша служба и опасна, и трудна...» Полковник посмотрел на них и покачал головой:

– Мне тут шепнули, как лихо вы Попова на место поставили, а теперь вот к Данилину собрались. Он же вас с башмаками слопаёт! Вот скажите мне, как вы не боитесь?

– Ты сам ответил на свой вопрос, – усмехнулся Гуров. – Я не боюсь!

Лев слукавил, но только частично. Попова он действительно не боялся. Ну, выгонят Гурова с работы! И что дальше? Потом опять попросят вернуться! Они с Крячко это уже проходили! А не попросят, так и черт с ними! Запасной аэродром у Льва был заготовлен уже давно, так что он, как и го-

ворил Орлову, не пропал бы, а стал бы жить не в пример лучше, чем сейчас, хотя бы в материальном отношении, да и нервы ему там никто не трепал. Вот и получалось, что Лев ничем не рисковал. А Данилина, которого так боялся Симонов, он выбрал по той простой причине, что был с ним знаком: друг моего друга – мой друг, то есть опять ничем не рисковал. Ну, а Стас мог легко договориться даже с чертом и уломать того подписать уже собственной кровью договор на вечное оказание безвозмездных услуг следствию.

Возле двери Данилина, чья квартира находилась как раз под 28-й, Гуров бестрепетно нажал на кнопку звонка и держал ее до тех пор, пока дверь не открылась и хозяин, распространяя вокруг себя стойкий аромат хорошего коньяка, укоризненно спросил:

– Лева! У тебя совесть есть?

– Виктор! Совесть при нашей работе – непозволительная роскошь! – объяснил Лев, проходя в квартиру: – И чего ты злишься? Все равно ведь не спишь! Тут во дворе такое творилось, что мертвый бы из могилы поднялся!

– Знаю, я же еще раньше проснулся, – отмахнулся Данилин. – Кофе будешь? Или тебе чай? А может, по коньячку? Помянем этих придурков?

– А ты откуда знаешь, кто это был? – насторожился Лев.

– Вот выпьешь со мной, тогда расскажу, – вроде бы шутливо предложил Виктор, но, как известно, в каждой шутке

есть доля шутки, а потом серьезно добавил: – Все своими глазами видел.

– Шантажист! – вздохнул Гуров. – Ладно! Мне чай! Куда идти?

– А куда мы, люди старой закваски, привыкли всегда в таких случаях ходить? – усмехнулся Данилин. – На кухню! Она у меня, слава богу, на другую сторону выходит.

Пока хозяин, мужчина одних лет с Гуровым, возился по хозяйству на кухне, своими размерами больше напоминавшую хоккейную площадку, Лев смотрел на него и думал, какое же счастье, что у них с Марией нет детей. Он даже представить себе не мог, что было бы с ними, если бы у них, как у Виктора, единственная дочь погибла вместе с мужем в автокатастрофе по вине врезавшегося в них пьяного водителя на «КамАЗе», который уходил от преследования ГАИ. Теперь весь смысл жизни для Данилиных заключался во внуках, которых они без памяти любили. Лев сам видел, как этот человек, президент одного из крупнейших банков страны, известный своей железной хваткой и нестигаемым характером, с ними возился, превращаясь на время в самого обыкновенного дедушку, мягкого, доброго и заботливого. Но вот стол был накрыт, коньяк налит, и Виктор сказал:

– Ну, пусть им на том свете воздастся полностью за то, что они на этом натворили!

Начинать день с коньяка было кощунством, так что Лев отпил совсем чуть-чуть, только губы смочил, а потом пере-

ключился на чай с бутербродами – время шло к утру, и позавтракать было нелишним, а Виктор тем временем начал рассказывать:

– Я последнюю неделю живу в городе – проблемы навалились.

– Помощь нужна? – спросил Гуров.

– Да нет! Не твой профиль – экономика. Но за предложение спасибо. Я вообще сплю очень плохо – бессонница. Но за городом спасаюсь тем, что в любое время года ложусь на веранде. А здесь приспособился спать на балконе, благо он огромный. Я его потому застеклять и не стал, что такую возможность предвидел. Это, конечно, не то, что за городом, но уличный шум здесь почти не слышен, лежишь себе, а над тобой небо, звезды, вид на Москву-реку, ветерок легонький тебя ласково гладит... Короче, усыпляет. Только я уснул, как вдруг шум сверху слышу. Ну, думаю, опять началось! Понимаешь, Лева! Когда Поповы здесь всей семьей жили, все было относительно нормально, хотя сыночек, этот ублюдок, постоянно с родителями скандалил. Но родители за город съехали, этот недоумок один остался, и начались гульбарии! Или это мне так везло, потому что я здесь довольно редко ночевал, только когда сил или времени за город ехать не было. Девки, парни, визг, писк, крики, музыка грохочет и все в этом духе! Я на Попова чуть ли не в голос орал, чтобы он своего идиота приструнил, только парень своего отца в грош не ставил. Юрки где-то около трех месяцев не было ни вид-

но и ни слышно, а тут объявился. Я прислушался: музыки нет, голоса только мужские, но очень громкие и... Знаешь, какие-то истерично-взвинченные! Чересчур оживленные!

– А о чем они говорили? Может быть, расслышал? – поинтересовался Лев.

– Нет, смысл я тогда не понял. Но вот когда они на балкон вышли, тут-то я все услышал и обалдел! Встал – не поленился, к ограждению подошел, наверх посмотрел и глазам своим не поверил! Стоят эти четыре придурка, в чем мать родила, на перилах, за плечи друг друга обняли и хохочут – надрываются! А потом один из них предложил: «Ну, что? Полетели?» И все ему в один голос: «Полетели!» И, ты представляешь, на счет «три» они спрыгнули да еще вперед оттолкнулись. И при этом сначала веселились: «Клево! Прикольно! Мы летим! Мы птицы!», а потом уже от ужаса орать начали – видно, дошло до них, что сделали. И я этот крик еще очень нескоро забуду! А потом шлепки и тишина! Но я тебе, Лева, честно скажу, свою смерть они сполна заслужили! И мне их ни капельки не жаль – те еще были сволочи! Налил я себе полный бокал коньяка и выпил! И для того, чтобы нервы успокоить, и на радостях, что воздух в этой стране теперь хоть ненамного чище станет.

– Виктор, ты сказал, что они свою смерть сполна заслужили? А чем? – спросил Гуров.

– Знаешь, Лева! – жестко сказал Данилин. – Не прими это как что-то личное – я тебя очень уважаю! Только таких, как

ты, по пальцам одной руки пересчитать можно! И, если у меня, не приведи, господи, опять что-то случится, я буду обходиться своими силами, но в мили... Тьфу!

– Виктор! Говори, как тебе удобно! – поморщился Гуров. – Суть дела от этого не изменится! Я и так понял, что милиции-полиции ты не веришь.

– Ни на грош! Продажные все, как один! А если не продажные, то трусы, которые рот боятся открыть! – с ненавистью говорил Данилин.

– И что же натворила эта компания? – спросил Лев. – Когда? Где?

– В этом самом доме! И я тебе могу даже точную дату назвать – в ночь с 24 на 25 мая этого года.

– Давай в подробностях все, что знаешь, – попросил Гуров.

– Понимаешь, у тестя с тещей золотая свадьба была, отмечали, как положено, в ресторане, стол, естественно, ломился. Но тут вот какая штука! У внука аллергия на некоторые пищевые продукты, а там, в этой суматохе, он потихоньку от нас налопался того, что ему категорически противопоказано. Скрутило его еще там, и мы с женой и малышами немедленно сюда уехали, потому что за город и «Скорая» будет сто лет добираться, и в случае чего до любой больницы тут ближе. Вызвали частного врача – у нас свой, он приехал с медсестрой, и началась обычная канитель: промывание желудка, клизма, капельница и все в этом духе. Внук стонет, плачет,

капризничает! Внучка ревмя ревет – ей и братика жалко, и все внимание на него обращено, а она вроде как ни при чем, и просто за компанию. Настоящий дурдом! Я приказал няню из-за города привезти, договорился с медсестрой, чтобы она у нас до утра подежурила. В общем, была уже ночь, когда все кое-как утомонились. Я лег спать на балконе, надеясь на то, что вымотался и быстро усну. Но, видно, слишком перенервничал, потому что сна не было ни в одном глазу, тем более что у Поповых опять веселились, не очень громко, но все-таки. А потом я голос девушки услышал, она плакала, просила, чтобы ее какой-то Женя отпустил, но тот, видимо, не отставал, потому что она стала кричать и звать на помощь! Ну, тут уж я не выдержал! Раньше там девки тоже частенько появлялись, но они не хуже парней веселились и на помощь никто не звал. Короче! Вызвал я полицию! При чем не анонимно, а по полной форме! Представился! Адрес назвал! Фамилию, имя и отчество хозяев квартиры! И сказал, что там какую-то девушку насилуют!

– Наряд приехал? – спросил Лев.

– Приехал! – не предвещавшим ничего хорошего тоном ответил Данилин. – Я на балконе стоял и смотрел! Они даже к квартире Поповых поднялись и, наверное, звонить начали, потому что я сверху крик услышал: «Менты!» Девушка громче кричать стала, но тут же замолчала, а потом... – теперь замолчал уже он сам.

Понимая, что дальше случилось что-то страшное, Гуров

сидел со сжатыми кулаками и глубоко дышал, стараясь взять себя в руки, а Виктор налил себе коньяка и в один прием выпил.

– Так что же произошло? – не выдержав молчания, спросил Лев.

– Ее через некоторое время с балкона выкинули! И я это видел своими собственными глазами – она же мимо меня пролетела! Правда, молча – видимо, уже мертвая была или без сознания, – отвернувшись, ответил Виктор. – Как там у вас говорят? Нет тела – нет дела! Менты потом ко мне спустились и сказали, что в квартире наверху смотрели боевик, и это просто очень громко телевизор работал, но соседи обещали сделать потише. Тогда я их вниз отвел и чуть ли носами в труп девушки потыкал. Ну, тут уж они по инстанции доложили, опергруппа, или как там она у вас называется, приехала. Я свидетельские показания дал, расписался. В общем, все как положено. Короче! Всех четверых тогда увезли, причем Юрку волоком вытащили, и до этой ночи я никого из них не видел. Я уж, грешным делом, подумал, что у нас вдруг, откуда ни возьмись, закон начал работать! Для всех один! Думал, что они в СИЗО! Удивлялся только, что меня из милиции больше не беспокоили. А эти подонки, оказывается, на свободе! Ну, Попов! Ну, сука! – бушевал он. – Лева! Скажи мне, хоть какой-то стыд у человека должен быть?! Ну, ладно! Отмазал ты своего ублюдка! Так продай ты эту квартиру и другую ему купи! Так ведь нет! Сюда эта сволочь вернулась!

Как будто ничего и не было! Но я же все видел! И наряд все видел! И в районном управлении тоже не слепые и глухие работают! Получается, что всем им рот заткнули! Или купили! Ты знаешь, я в России человек не самый последний, но как же ему нужно было на меня наплевать, чтобы такое сделать? Кем он меня считает? Пустым местом? И кем этот Попов считает себя? Господом Богом, которому все позволено?

– Виктор! Обещаю тебе, что я во всем разберусь! – твердо заявил Гуров. – Скажи, ты полицию по какому телефону вызывал? По обычному или с сотового?

– С мобильного звонил, а зачем тебе это?

– Потом объясню. Он у тебя корпоративный?

– Ну да! Все разговоры банк оплачивает. Счета-распечатки поступают в бухгалтерию, где проверяются, потому что в самом начале было несколько случаев, когда некоторые придурки сексом по телефону развлекались, – ответил Виктор.

– Сказочно хорошо! – обрадовался Лев. – Значит, ты завтра, то есть уже сегодня, дашь команду, чтобы бухгалтерия подготовила заверенную ксерокопию распечатки твоих майских разговоров, где твой звонок в полицию обязательно должен быть. Понимаешь, если очень тщательно следы заметали, то эту запись из дежурной части очень легко могли убрать, а вот у тебя она сохранилась! А это уже доказательство! Как все будет готово, я ее заберу.

– Все сделаю! – пообещал Данилин.

– Теперь скажи, кому ты показания давал?

– А я помню? – удивился тот. – Мы же во дворе беседовали, там люди вокруг ходили, шумели, я постоянно на них отвлекался. Помню, что это был мужчина лет 35–40, а фамилию и все прочее как-то забыл.

– Но узнать-то сможешь?

– Думаю, да.

– А тех двоих из наряда?

– Ну, тех-то точно узнаю, – уверенно заявил Данилин. – Я же с ними довольно долго общался. Они, конечно, представились, когда пришли, но я уже не помню, как их звали.

– Ну, хорошо, нам для начала и этого будет достаточно.

– Да, Лева! Я верю, что ты во всем разберешься! Только ты один! – вздохнул Данилин. – Ты не можешь разорваться на сто тысяч маленьких Гуровых, которые будут по всей стране справедливость восстанавливать. Я не хочу сказать, что при Советах все было безоблачно! – Вскочив с места, Виктор начал мерить шагами кухню. – Но вот я, например. Отец у меня был директором завода – такое градообразующее предприятие, от которого жизнь всего города зависит. Но жили мы в заводском доме! Да! Квартира у нас была побольше, обстановка побогаче, питались, наверное, получше! Но в остальном я был такой же, как и все подростки в нашем дворе! У нас в компании были дети рабочих, инженеров, начальников цехов, и никто ни перед кем не выпендривался! Да если бы я только заикнулся о том, что я, мол, сын директора, от меня бы все мигом отвернулись. И когда мы все один раз... Впро-

чем, это неважно, что именно мы натворили, но ночевали в «обезьяннике». Отцу позвонили и сказали, что меня задержали, а он ответил, что за мной не приедет! Чтобы я сидел, как все! Потом нас всех до единого, в том числе и меня, так выпороли, что несколько дней сидеть не могли! А отец мне еще и фингал под глаз навесил, чтобы я его не позорил!

– Да что ты мне рассказываешь! – отмахнулся Лев. – Я сам генеральский сын, и все это не с чужих слов знаю. Только вот в «обезьяннике» не сидел, а воспитывали меня так же, правда, не пороли – повода не давал.

– Вот и скажи мне, в какую же циничную тварь надо превратиться, чтобы так на всех плевать? – никак не мог угомониться Данилин.

– Ладно, Виктор, – сказал, вставая, Гуров. – Если еще что-нибудь вспомнишь, позвони. Пойду, работать надо.

– Да я тебе вроде все рассказал, – подумав, ответил тот.

Гуров спустился вниз и увидел, что в холле уже никого нет. Охранник сообщил ему, что эксперты еще работают в квартире, все остальные уже уехали, а его самого ждут на работе.

– Ничего! Подождут! – заявил Лев и спросил: – Где и сколько времени у вас хранятся записи с камер видеонаблюдения? И сколько камер вообще?

– Камер две: одна над подъездом, вторая – возле въезда на территорию. Записи все у нас в ЧОПе, от которого мы здесь работаем, а сколько они хранятся, я не знаю, это вам туда

надо.

Записав адрес офиса, Гуров поинтересовался:

– Какой у охраны график работы? Сутки через трое? – Охранник кивнул. – Значит, вас четверо. Вы работаете постоянно?

– Ну да! Надо же всех жильцов знать, чтобы не дергать постоянно, кто они и куда идут! Да и им спокойнее, когда они знакомые лица видят.

– Никто из вас четверых не уволился? И если да, то когда?

– Ванька ушел в конце мая, число не помню, да вам в офисе точно скажут. Полностью он Иван Семенович Сорокин.

– А он не говорил, почему уходит или хотя бы куда? Отвально-то он должен был устроить.

– Так он из Тверской области, сюда на заработки приехал. Вот он туда к родителям и вернулся. Говорил, что невеста его заждалась, а теперь заработал он достаточно, чтобы и свадьбу сыграть, и дом себе купить.

– У вас такие большие оклады?

– Так Ванька вкалывал, как лошадь. Он же еще в одном доме работал. У него получалось сутки через сутки. Но он здоровый, выдерживал.

Узнав все, что ему было нужно, Гуров посмотрел на часы и тихонько присвистнул – дело шло к девяти, и надежда захватить домой, чтобы принять душ – а ему после всего, что он узнал, это было крайне необходимо, – накрылась. Ехать же в ЧОП, чтобы сидеть там возле двери в машине и ждать, когда

начальство появится, было бессмысленно – а вдруг оно заартачится и без официального запроса записи не отдаст? Вот и получалось, что прямая дорога ему в родное управление.

В их кабинете Крячко не было, и Гуров пошел к Орлову. Как он и ожидал, Петр и Стас сидели и завтракали.

– Присоединяйся, – предложил Петр.

– Спасибо, я уже немного перекусил, – отказался Гуров, но к столу сел и чай себе налил.

– Ну, тогда рассказывай пока, что успел узнать, а потом Стас своими новостями поделится, – сказал Орлов.

Лев поведал им все, что услышал от Данилина, и в заключение добавил:

– Это самоубийство в самом чистом виде! И дело можно закрывать!

Гуров нагло соврал! Он прекрасно понял, что самоубийство было спровоцировано! Кем или чем, оставалось неизвестным, но заниматься причинами гибели этих четырех подонков он просто не хотел! Вот не хотел, и все! Они получили то, что заслужили, и дело с концом! Выслушав друга, Петр тихо присвистнул:

– Так вот как Тихонов на повышение попал – он это дело прикрыл! Ну и тварь!

– А ты сомневался? – усмехнулся Крячко. – Да на нем пробу негде ставить! Только о покойниках или хорошо, или ничего!

– А при чем тут покойники? – удивился Лев.

– Оторвался ты от жизни, Лева! – усмехнулся Петр. – Этот мерзавец чистил у себя в кабинете пистолет и...

– Кто говорит, что это был несчастный случай, а кто – что застрелился, – добавил Стас. – Только, по-моему, это все-таки несчастный случай, потому что такие подонки, как Тихонов, не стреляются.

– Туда ему и дорога! – кивнул Гуров и предложил: – Твоя очередь, Стас. Хвались, что нарыл!

Но Крячко ничего рассказать не успел, потому что на столе у Орлова зазвонил телефон, и тот, выслушав собеседника, тяжело вздохнул и, укоризненно глядя на Льва, ерническим тоном произнес:

– Час расплаты настал! Я говорил, что Попов тебе этот разнос не простит? Говорил! А теперь нас с тобой на ковер вызывают! В министерство!

– Так наш же в отпуске, – заметил Стас.

– А у него заместители имеются.

– Ну, если к Андрею Сергеевичу, то можно не беспокоиться, – отмахнулся Гуров. – Для вида он, конечно, поорет, но без последствий.

– И не надейся! – многообещающе проговорил Орлов. – Нас к Щенку вызывают!

А вот это уже хуже! Николай Владимирович, или Щенок, как они называли между собой этого замминистра, был умен, довольно молод, хорош собой, бесконечно честолюбив, бес-

предельно циничен и путь наверх себе пробивал всеми возможными, в том числе и недопустимыми для порядочного мужчины, способами, о которых люди тихонько шушукались в курилках. Но, главное, он был совершенно беспринципен и безжалостен, перешагивая через людей, как через мусор, и отбрасывая в сторону тех, кто не мог или уже не мог быть ему полезен.

– И черт с ним! – решительно произнес Лев. – Все равно придется когда-то со службы уходить, так почему бы не сейчас? Но ноги о себя вытирать я ему не позволю! И о Петра – тоже!

– А об меня, значит, можно? – возмутился Крячко.

– О тебе речь не идет – нас с Лево́й вдвоем вызывают, – объяснил Орлов.

– Нет уж! Я с вами поеду! Если в кабинет не пустят, то хоть в приемной подожду!

– Тебя непустишь! Как же! – хмыкнул Гуров.

Лев оказался прав, так что в кабинет замминистра они вошли втроем. Щенок при виде этой компании явно удивился, но ничего не сказал – видимо, решил, что чем больше аудитория, тем лучше. Попов сидел сбоку у его стола в кресле для посетителей и смотрел на Гурова спокойным, холодным взглядом, словно ему даже не было интересно, что произойдет дальше. Господи! И это был человек, только что потерявший сына! Ему бы рядом с женой быть, утешать ее или горевать.

вать с ней, а он вместо этого сводит счеты с тем, кто, видите ли, посмел дать отпор его хамству.

– Я не понимаю, что здесь делают полковник Крячко и генерал Орлов, потому что я приказал явиться только Гурову, – высокомерным тоном начал Щенок.

Лев неодобрительно посмотрел на Петра и покачал головой: все ясно, Орлов просто не мог позволить другу идти на ковер одному, тем более что защищал он в той ситуации именно его, а за чужие спины Петр никогда не прятался. А Щенок тем временем продолжал:

– Гуров! Твою мать! Ты что о себе возомнил? Ты какого хрена влез в разговор, который тебя не касался? Кто дал тебе право хамить уважаемым людям? Тебе, блин, погоня жмут? Так их и снять недолго! Ты не святой! И грехов у тебя – как у сучки блох! Вылетишь со службы без пенсии и с такой формулировкой, что в магазин охранником не возьмут! – все больше и больше накаляясь, бушевал он.

Лев не стал ждать продолжения и достал сотовый телефон.

– Тебе здесь что, блин, переговорный пункт?! – заорал Щенок.

Не обращая на него внимания, Гуров поставил телефон на максимальную громкость и громкую связь, а потом набрал номер. Понимая, что происходит что-то непонятное, а значит, потенциально опасное, Щенок замолчал и очень вовремя это сделал, потому что из сотового донесся женский го-

лос:

– Приемная Игоря Петровича Болотина. Слушаю вас.

– Валечка! Это Гуров. Соедини меня с шефом, – попросил Лев.

– Лев Иванович, у него совещание, – сказала девушка. – Это срочно?

– Очень срочно.

Через несколько секунд из трубки раздался уже голос одного из богатейших людей России. Он, конечно, первых лиц государства по плечу не хлопал, но они очень внимательно прислушивались к его мнению, и в аудиенции ему не было отказано ни разу, а вот на различные совещания, причем и в очень узком кругу, да и для консультаций один на один, приглашали постоянно.

– Привет, Лева! Что у тебя случилось?

– Игорь! Валя сказала, что у тебя совещание, так что я тезисно. Меня только что с треском выгнали со службы, лишив звания и наград, – сообщил Гуров.

– Слава тебе, господи! Дожил я до светлого дня! – обрадовался Болотин. – Теперь уж ты никуда от меня не денешься! Пойдешь ко мне директором холдинга по безопасности, как миленький!

– Но я со своей командой приду, – предупредил его Лев.

– Не вопрос! Но мне интересно, какому кретину моча в голову ударила, что он решил тебя уволить? Я с вашим министром постоянно в Завидово встречаюсь, вот и поделюсь

впечатлениями о его подчиненных.

Все это время Гуров разговаривал с Болотиным, но смотрел на Щенка, у которого выражение лица менялось со скоростью, на порядок превышающей смену картинок на экране игрового автомата. Услышав последние слова Игоря, он, смертельно побледнев, вскочил из своего кресла и застыл, глядя на Льва, а глаза его молили: «Молчи!!!»

– Я тебе лучше скажу, с чьей подачи это произошло. В Администрации президента есть такой член, – выразительно выговорил Лев, – Попов Алексей Юрьевич. Так вот, он...

– погоди! Это такой плюгавый шибздик? – перебил его Игорь, потому что Попов был действительно лыс, невелик ростом и худощав.

– Похоже описал, – подтвердил Гуров, глянув на Попова, который и бровью не повел, словно и не о нем шла речь.

– Плюнь и разотри! – рассмеялся Болотин. – И ни о чем не волнуйся! Уйдешь как положено! С благодарностью министра, ценным подарком и всем остальным. Кстати, ты не забыл, что у моей жены послезавтра день рождения?

– Уже и подарок купил, – честно соврал Гуров, который никогда подобные вещи не помнил.

– Мы его в воскресенье будем отмечать. Маша, я знаю, на съемках, так ты приезжай один. Там все основательно и обсудим: и помещение, и зарплату, и все прочие вопросы, – предложил Игорь.

– Обязательно буду, – заверил его Лев и отключил теле-

фон.

Щенок, который до последней минуты не верил, что Гуров его пощадит – уж он-то сам в такой ситуации не пожалел бы никого! – обливаясь потом, обессиленно рухнул обратно в кресло, а на лице у него крупными буквами было написано: «И как же я мог так промахнуться?»

– Господин заместитель министра! – сказал Лев, убирая сотовый в карман. – Мы можем быть свободны? Я имею в виду: и сейчас, и вообще. А то дела нужно к передаче подготовить, обходные подписать, там еще куча каких-нибудь формальностей появится. А делом о произошедшем этой ночью самоубийстве пусть уже другая группа занимается. Хотя там, по большому счету, и заниматься-то нечем.

– Значит, вы считаете, что это было самоубийство? – с трудом сглотнув, а потом сипло откашлявшись, спросил Щенок и вдруг засуетился: – Да вы присаживайтесь! Надо же нам с этим разобраться! Сейчас я насчет чая распоряжусь! Или, может быть, кому-нибудь кофе?

– Спасибо! Нам ничего не надо! – ответил за всех Гуров, но все-таки сел и твердо заявил: – Да! Это самоубийство! Его мотивы нам неизвестны, но это уже вопрос второй.

– Это было убийство! Я не знаю, кто и как его совершил, но это так! – твердо и спокойно заявил Попов, на которого демарш Гурова не произвел ни малейшего впечатления, как и высказанные Болотиным в его адрес оскорбления. – Я разговаривал с отцами остальных погибших, и мы все, как один,

пришли к выводу, что наши сыновья не могли совершить самоубийство! Вы их не знали, а мы знали! Не могли они это сделать! Не могли, и все!

– Нас это больше не касается, – отрезал Гуров и подпустил Попову горькую пилюлю: – А почему вы не подумали, что это могло произойти под влиянием чувства вины? Ведь еще трех месяцев не прошло, как они, все четверо, сначала изнасиловали, а потом, сбросив с балкона, убили какую-то девушку. Как они избежали ответственности, кто им в этом помог и чем его за это отблагодарили – вопрос отдельный. Но они, снова попав в эту квартиру, могли испытать определенные эмоции, которые подтолкнули их к такому поступку.

– Они ничего не могли испытать, – уверенно произнес Попов. – Не те это люди! А мой сын тогда вообще ни в чем не был виноват.

– Минуточку, Лев Иванович! – насторожился Щенок, и у него вроде бы даже уши торчком встали. – О каком убийстве вы говорите?

– О том, которое благополучно замяли, – охотно ответил Гуров.

– Лев Иванович, а не может быть другой, не эмоциональной связи между тем убийством и этим самоубийством? – спросил замминистра.

– Если вы имеете в виду месть, то каким образом? – удивился Гуров. – Посторонних ни в доме, ни в квартире не было, прыгнули они с балкона добровольно и радостно, вероят-

но, под влиянием наркотиков или чего-то подобного, только потом, видимо, поняли, что погорячились, но поздно было.

– Ну, последнего вы знать не можете, – усомнился Щенок.

– Мне об этом рассказал Данилин, который все слышал и видел, – возразил Лев.

– Банкир? – уточнил замминистра.

– Да! Виктор... – Гуров запнулся, потому что отчества Данилина он не помнил – как-то не приходилось пользоваться, о чем и сказал замминистра.

– Вы и с ним так хорошо знакомы? – удивился Щенок.

– К данному делу это не имеет никакого отношения, – уже раздраженно ответил Лев.

А вот замминистра, судя по его виду, в этот момент проклял ту минуту, когда решил выпендриться перед Поповым и этим испортил отношения с человеком, имеющим таких знакомых и друзей. Теперь же ему предстояло как-то отыграть ситуацию назад и исправить положение.

– Ох, зря вы, Лев Иванович, от чая отказались, – покачал он головой. – Разговор у нас коротким явно не будет.

– Будет, господин замминистра, – твердо заявил Гуров. – Потому что мы с полковником Крячко этим расследованием заниматься не собираемся.

– Лев Иванович, – мягким голосом принялся увещевать его Щенок. – Ну, что вы ко мне так официально обращаетесь? У меня ведь имя-отчество есть.

– Хорошо, Николай Владимирович, я буду обращаться к

вам так, как вы хотите, но это ничего не изменит, – сказал Гуров.

– Лев Иванович, я понимаю, что в вас сейчас говорит обида, раздражение... Я готов принести вам самые глубокие и искренние извинения за свои необдуманные и резкие слова, – елейным голосом говорил замминистра.

– Я готов извиниться перед генералом Орловым за то, что был несдержан, – ледяным тоном сказал Попов. – Однако должен заметить, что до прямых оскорблений в его адрес я не опускался, «членом» или иным синонимом этого широко употребляемого слова никого не называл, обещанием обратиться к журналистам не шантажировал. И к Николаю Владимировичу я пришел не для того, чтобы сводить счеты с господином полковником Гуровым, а затем, чтобы это дело не сочли банальным самоубийством и не закрыли. Если вы поговорите с теми людьми, которые знали моего сына и остальных погибших, то поймете, что они на такое были не способны! Это убийство! И его нужно расследовать!

Гуров смотрел на него и поражался – вчера этот человек практически бился в истерике, хотя потом смог взять себя в руки, а сейчас был непробиваемо спокоен – видимо, таблеток нажрался.

– Но все факты говорят о том, что это самоубийство, – стоял на своем Лев.

– Значит, вы их рассматриваете не под тем углом, – заметил Попов.

– Лев Иванович, я думаю, что вам следует немного повременить с переходом на работу в холдинг господина Болотина, – просительно произнес замминистра. – Тем более что и повода уходить со службы у вас нет! Мне кажется, что действительно следует хорошенько разобраться в мотивах этого самоубийства – что-то тут не так.

Как будто сам Гуров этого не понимал! Такие подонки, как те четверо, настолько любили жизнь, что цеплялись за нее изо всех сил. О каком добровольном и групповом самоубийстве тут вообще можно говорить? Лев подумал-подумал, а потом решил, что этим делом стоит заняться хотя бы ради того, чтобы наказать тех, кто замял убийство девушки, и сказал:

– Хорошо! Мы с полковником Крячко займемся расследованием! Но начинать нам придется с самого подробного и достоверного, – подчеркнул он, – жизнеописания всех четверых, включая и убийство той девушки. Считаю своим долгом предупредить и вас, Николай Владимирович, и вас, Алексей Юрьевич, что выявлю всех до единого, кто его замял. И головы полетят!

– Делайте что сочтете нужным, – согласился Попов. – Нашим детям это уже ничем повредить не сможет! А мы?.. Мы как-нибудь переживем!

«Это как же ты должен быть уверен в том, что тебя отмажут, чтобы такое заявить! – с ненавистью подумал Гуров. – Только на этот раз не получится! Никогда журналистам ин-

формацию не сливал, но в этот раз сделаю исключение! И они тебя в блин раскатают! Ну, и долго ты после это на своем теплом месте задержишься? Кувырком вылетишь!»

– Лев Иванович! Иначе и быть не может! – тем временем горячо заверял его Щенок. – Кампания по очищению рядов МВД от коррумпированных сотрудников и «оборотней в погонах» – не разовое мероприятие и не для галочки начато. Это наша постоянная политика, и она будет проводиться до тех пор, пока наши ряды не будут очищены окончательно, пока мы не будем твердо уверены в каждом сотруднике, независимо от звания и должности.

– Николай Владимирович! Мы вроде не на собрании, – усмехнулся Гуров.

– Извините, Лев Иванович! Привычка! – по-свойски улыбнулся ему тот. – Со своей стороны обещаю всяческое содействие. Обращайтесь в любое время! – Он протянул Льву визитку. – Там прямой телефон и сотовый, звоните и не стесняйтесь! Нужна будет техника – предоставим любую! Если захотите собрать рабочую группу – бога ради! Набирайте туда тех, кого сочтете нужным!

– Я полагаю, что у вас будет много вопросов, и обещаю, что отвечу на все, – сказал Попов. – А вот мою жену попрошу не беспокоить – она очень больна. Остальные родители погибших тоже будут с вами предельно откровенны – это же в наших интересах. – Подойдя к Гурову, он протянул ему листок бумаги: – Это их данные и контактные телефоны.

Поскольку именно я инициатор расследования, то, наверное, будет уместным, если вы побеседуете со мной первым. Если я сегодня подъеду к вам в пятнадцать часов, вы найдете для меня время?

– Хорошо, приезжайте, – согласился Лев и положил список в карман, даже не заглянув в него.

– У вас ко мне какие-нибудь вопросы есть? – спросил замминистра.

– Нет! – ответил, вставая, Гуров. – Разрешите идти?

– Лев Иванович! Ну что вы как неродной! – укоризненно сказал, но при этом лучезарно улыбнулся замминистра. – Идите, конечно! Желаю удачи!

Они втроем вышли из кабинета, а вот Попов остался там. Когда спускались по лестнице, Стас заметил:

– Ох, Щенок сейчас на нем и отыграется!

– Даже не мечтай! – уверенно ответил Лев. – Он решится окончательно испортить отношения с человеком только тогда, когда будет подписан приказ об увольнении того со службы, но ни секундой раньше. А в Администрации, как и в любой бюрократической конторе, подковерная схватка бульдогов самого разного размера и веса – состояние перманентное, сиречь постоянное. И маятник все время раскачивается из стороны в сторону.

– Значит, он его сейчас там чаем отпаивает, утешает и убеждает, что Гуров, мол, обязательно разберется, – хмыкнул Крячко.

– Как же мне противен этот Попов! – сквозь зубы процедил Лев.

– А ведь он на меня тогда совершенно заслуженно орал, – вдруг тяжело вздохнул Орлов.

– За что? – одновременно воскликнули Гуров и Крячко.

– За то, что все носились как оглашенные, а вот трупы никто прикрыть не позаботился, да и нечем было в тот момент. Вот его жена их и увидела. И тут же в обморок грохнулась, а потом ей с сердцем плохо стало.

– А может, ты должен был своим пиджаком этих четверых подонков накрыть? – возмутился Крячко. – Так не хватило бы его! И потом: не барское это дело! Если у оперов или экспертов ума не хватило это сделать, то ты-то тут при чем?

– А при том, Стас, что я там был за главного – значит, за все и всех отвечал, хотя и приехал позже Поповых. Так что орал он на меня совершенно справедливо, – объяснил Петр, а потом, снова вздохнув, спросил, ни к кому не обращаясь: – Может, и правда, уйти к чертовой матери? Хватка у меня уже не та, соображать так быстро, как раньше, не могу. Да и нервы уже давно не железные, надолго меня не хватит.

Лев и Стас тут же переглянулись и стали наперебой убеждать Петра, что он мужчина в самом расцвете сил и еще хоть куда! Вот на этой бравурной ноте и вернулись в управление. Орлов пошел к себе отпаиваться валерьянкой, а Гуров с Крячко – в свой кабинет, где Лев тут же потребовал, чтобы Стас рассказал ему обо всем, что успел узнать ночью.

– Вообще-то, Лева, относительно новым для тебя может быть только одно. Я очень тесно пообщался с охранником и вот что выяснил. Когда четверо покойников, будучи еще живыми, вошли в подъезд, а потом направились к лифту, он невольно слышал их разговор. Один из них – он потом в случае чего его по фото опознает – сказал приблизительно следующее: «Как же мы раньше не поняли, что летать действительно очень легко? Нужно просто оттолкнуться и парить!» Второй ему на это ответил, что нужно было к нему ехать, потому что он живет на двадцатом этаже, а Юрка всего на пятнадцатом. Тогда первый ему возразил, что с его застекленной лоджии они все вместе взлететь не смогут, а по одному – неинтересно.

– То есть они пришли именно для того, чтобы полетать, – покивал Гуров. – Кретины! – и попросил: – Стас, позвони экспертам! Пусть пока хоть по телефону скажут, какой гадости эти подонки наглопались.

Крячко позвонил и, выслушав ответ, молча положил трубку, обалдело уставившись на друга.

– Стас! Мы вроде вышли из того возраста, чтобы в гляделки играть, – заметил Гуров, но это не произвело на Крячко ни малейшего впечатления. – Эй! – Лев пощелкал пальцами у него перед лицом: – Ау! Ты где? Выйди из ступора! Что же такое тебе эксперты сказали, что ты так завис?

– Ты сейчас тоже зависишь! – зловеще пообещал Крячко. – А чистая у них кровушка! Зато адреналин зашкаливает!

– Чего? – недоверчиво спросил Гуров.

– Того, друг мой, что ни наркотических, ни психотропных веществ, даже следов их, в ней не найдено! Да и алкоголь присутствует в таком мизерном количестве, что хоть за руль садись! Как тебе такой расклад?

– Стас! Я был твердо убежден, что они обдолбанные были, – растерянно ответил Гуров и задумался, а потом воскликнул: – Слушай! Я сейчас вспомнил, как подростков, напившихся «энергетиков» сверх всякой меры, на подвиги тянуло. А со спиртным вообще убойный коктейль получается. Может, эти тоже приняли лишку на грудь? Тем более что адреналин зашкаливает! Позвони-ка ты еще раз экспертам, узнай, что у покойников в желудке!

– Позвонить недолго, – пожал плечами Стас, поднимая трубку. – Только «энергетики» мозги напрочь не отключают. Сколько ни выпей, но под их влиянием на самоубийство не потянет, тем более веселое и радостное.

– Стас! Ты действительно веришь в то, что четыре человека в здравом уме и твердой памяти могли добровольно сигануть с 15-го этажа? – удивился Лев.

– А при чем тут – верю я или нет? Факты – вещь упрямая! – буркнул Крячко и уже в трубку сказал: – Мужики! Это опять я. ... Да, Гурову нейдет! Не может он ваше заключение ждать! Он в бой рвется! Скажите, у них там какой-нибудь «энергетик» случайно в животе не плещется? – спросил он и через некоторое время, положив трубку, сказал: – Что и

требовалось доказать! Никаких «энергетиков» они не пили!

– Но с какого перепугу они решили, что могут летать? – никак не мог успокоиться Лев. – Нормальному человеку это в голову не придет!

– Значит, они были ненормальные! – уверенно заявил Стас.

– Все четверо? – возмутился Гуров. – Ладно бы кто-то один, у которого мозги переклинило, но чтобы сразу все? Неужели ни один из них сразу не сообразил, что они разобьются, к чертовой матери? На что они, прыгая, надеялись? Орлы, блин!

– Ох, Лева! Намаемся мы с этим делом! – по-стариковски вздохнул Крячко. – Ладно! Попов сюда сам придет, а остальные папаши – кто? Может, тоже шишки какие-нибудь?

Гуров достал из кармана список и, прочитав, присвистнул:

– Твою мать! Стас! Ты только послушай! Это же Старец, Нестор и Лапоть!

– Ни хрена себе! От них же в девяностые пол-Москвы в рыд рыдало! На них же пробу негде ставить! На их совести трупов немерено! Чего же удивляться, что у них такие сынки выросли! Небось, ничем папашам не уступают! Ну, и дружков себе Попенок подобрал!

– Зато теперь эти бывшие братки – уважаемые бизнесмены, – ерническим тоном сказал Лев и продолжил читать: – Старец в строительстве по-крупному рулит, у Лаптя автоза-

правочные станции по всей области, а у Нестора чего только нет, в том числе и ночной клуб.

– А где ночной клуб, там и наркота! – добавил Крячко. – Очень странно, что покойнички не под кайфом были, это бы все объяснило.

– И ведь что самое обидное, ни одного из этих братков так тогда посадить и не удалось, – возмущался тем временем Гуров. – Нам улик не хватало, а все свидетели, как один, от своих показаний отказывались!

– А чему ты удивляешься? – пожал плечами Стас. – Им собственная жизнь и их близких дороже была! Зато теперь эти подонки за все свои художества сполна получили! Сыновей потерять – чем не божья кара?

– Да, отлились им людские слезы! – удовлетворенно заметил Гуров и перешел к делу: – Я беру на себя Нестора – он у них всегда за главного был, а ты со Старцем и Лаптем побеседуешь. Давай назначать встречи! Раз Попов их предупредил, они не откажутся побеседовать. А потом бумагами займемся, нас от них никто не освобождал.

Много времени это не заняло. Лаптев и Старков пригласили Крячко приехать к ним вечером домой в любое удобное для него время. А вот с Нестеровым Гуров договорился встретиться в его клубе – интересно ему было на него посмотреть.

Друзья стали составлять план оперативно-розыскных мероприятий, и чем дальше они его писали, тем яснее им ста-

новилось, что группу создавать действительно придется, потому что вдвоем они этот воз не потянут. Точнее, потянут – еще и не такое раскрывали, но доvezут до нужного места в очень необозримом будущем, так что список офицеров, которым они более-менее доверяли и которых хотели привлечь к работе, они тоже составили. Оформив все как следует, Гуров и Крячко отправились к Орлову.

Тот внимательно все прочитал и согласился, что рабочую группу создавать надо, потому что вдвоем они будут возиться до морковкиного заговенья. Приказ был издан незамедлительно, и не прошло и полчаса, как в кабинете у Петра уже сидели, кроме Льва и Стаса, еще три офицера, испытанные, что называется, в боях и походах. Гуров частично ввел их в курс дела, решив, что нечего раньше времени все карты раскрывать. Он просто стал раздавать задания, предупредив, что иметь дело придется с людьми опытными, у которых собственные прикормленные адвокаты имеются, так что каждый свой шаг нужно оформлять официально, чтобы потом не отбрехиваться перед службой собственной безопасности за обвинения в самоуправстве.

– Итак, господа офицеры, – говорил Гуров. – Нужно изъять из офиса ЧОПа записи с камер наблюдения, установленных на известном вам доме, за ночь с 24 на 25 мая сего года. Если таковых не окажется, взять у руководства письменные объяснения, куда они могли деться. Трясите, как грушу, но правду выясните. Можете пригрозить лишением лицензии.

Кстати, угроза не шуточная, а весьма реальная, потому что полномочия нам даны широчайшие. Далее нужно выяснить, кто из охранников дежурил в ту ночь. Имею предположение, что это уроженец Тверской области Иван Семенович Сорочкин, который вскоре после тех печальных событий уволился, объяснив это коллегам тем, что уже достаточно заработал. Выяснить о нем все, что только возможно. Он говорил, что собирается вернуться к родителям, жениться и жить долго и счастливо. Это нужно проверить. Если он действительно там, резких движений не делать, а доложить мне – я уж сам как-нибудь с ним разберусь. Если же окажется, что он туда не приезжал и от него давно уже нет вестей, пробивать его всем базам, в том числе и неопознанных трупов, потому что – не хотелось бы об этом думать, но не исключено, что его уже нет в живых. Следующее. Официально изъять из дежурной части ГУВД запись вызова на известный вам адрес наряда полиции от имени Виктора Степановича Данилина, а также получить официальный документ о том, какой именно наряд туда выезжал, что доложил о результатах и так далее. У меня есть основания предполагать, что эта информация там не сохранилась, поэтому обследовать все здания вокруг дома на предмет обнаружения камер наружного наблюдения, с которых виден подъезд к воротам. Записи, если таковые будут обнаружены, изъять с соблюдением всех формальностей. По всем возможным базам пробить пострадавших, список которых будет вам вручен, – я думаю, что за ними немало

грешков водится. Еще. Поднимите уголовные дела Нестора, Старца и Лаптя – объяснять вам, кто они такие, не надо. – Офицеры согласно покивали, потому что эти трое были в свое время настоящей головной болью для милиции. – Надо на всякий случай проверить, не из прошлого ли ниточка тянется. Сейчас как раз начинают выходить те, кто тогда основательно присел – вдруг какой-нибудь обиженный таким вот образом счеты сводит? Они его, предположим, в свое время лихо кинули, и он теперь решил отомстить.

Достав телефон, Гуров позвонил Данилину и, узнав, что тот все приготовил, добавил в список поручений приказ съездить в банк и забрать документ, а потом сказал:

– На данном этапе у меня все. Все поручения оформить должным образом и подписать у генерал-майора Орлова. Задания разбирайте, как хотите, сбор здесь же в восемнадцать часов, и без результатов лучше не приходить, а сразу стреляться – будет менее больно. Вопросы?

Вопросов не оказалось, и офицеры ушли, а Петр протянул Льву папку:

– Вот, это пока все, что есть по делу о самоубийстве, а остальные документы по мере готовности будут поступать.

Забрав папку, Гуров и Крячко вернулись в кабинет и, чтобы не терять время, сели рядом и стали вместе читать ее содержимое, а когда закончили, Лев сказал:

– Охранника, который этой ночью дежурил, нужно будет передопросить в свете того, что он тебе рассказал.

– Понял, сделаю, – кивнул Стас.

– Ну, а к Данилину я сам потом съезжу – нам ведь его показания тоже нужны и по тому делу, и по этому, – пообещал Гуров.

– Лева, уже полтретьего, скоро Попов придет, а ты ему еще пропуск не заказал, – напомнил Стас.

– Ничего! Потрясет своим членским, – хмыкнул Гуров, – билетом и так пройдет!

– Слушай! Чего ты на него так взъелся? – удивился Крячко. – Да он на фоне остальных трех отцов – ангел небесный! И даже Орлов согласен, что тот на него за дело наорал, и не обижается! Ты что, хочешь быть святее папы римского?

– Один раз он сыночка отмазал, а теперь из-за его нелепой гибели все наше министерство на уши поставил! – огрызнулся Гуров.

– Лева! Ты не отец, тебе не понять! – принялся увещевать его Крячко. – Ну, поднял он на ноги всех, кого смог, так ведь речь о его собственном ребенке идет.

– У него не ребенок, а выродок! – отмахнулся Лев.

– Для тебя он выродок, – согласился с ним Стас, – а для него – кровинушка! Да ты вспомни, что с тобой было, когда Татьяну убили! Ты тогда никого на ноги не поднимал! Ты сам разобрался! Причем насквозь неконституционным методом!

– Не нравится мне Попов, вот и все! – поморщился Гуров. – Какой-то он весь ненастоящий! Потерял сына, а спокоен так, что от него холодом тянет!

– Ну, знаешь? На тебя не угодишь! Сначала ты на него напустился за то, что он был слишком буйный, теперь недоволен, что он слишком спокойный! А может, он на транквилизаторах сидит? – возмутился Стас и, позвонив дежурному, сам заказал Попову пропуск, а потом сказал: – Схожу в буфет, хоть пирожков куплю. Сейчас быстренько чайку с ними поьем, а то пообедать до трех уже не успеем.

– Вот и пей чай с пирожками, а я пойду и нормально поем, а Попов, если опоздаю, подождет! Это мы ему нужны, а не он нам! – отрезал Гуров и вышел.

Стас, горестно покачав головой, посмотрел ему вслед и вздохнул – когда Гуров закусывал удила, спорить с ним было бесполезно.

Крячко действительно сходил в буфет, где быстро перекусил, и вернулся в кабинет без пяти три – Льва, естественно, еще не было. Ровно в три в дверь постучали, и вошел Попов. Выглядел он все так же невозмутимо, как и утром. Увидев, что Гурова нет на месте, спросил:

– Наверное, мне лучше подождать в коридоре?

– Нет-нет, Алексей Юрьевич! Проходите! Начнем без Льва Ивановича – его к руководству вызвали, – соврал Крячко.

Попов прошел, сел на стул и вопросительно посмотрел на Стаса, который и не думал говорить по делу без своего друга и напарника, а завел разговор вроде бы ни о чем, чтобы потянуть время. Он посочувствовал горю Алексея Юрьевича.

ча, рассказал несколько случаев из их со Львом практики, которые тоже касались непонятных самоубийств, одним словом, старался всячески расположить Попова к откровенному разговору и наладить нормальные отношения. А тот внимательно слушал, вовремя вставляя уместные реплики, но сам не откровенничал и оставался все так же непробиваемо спокоен. Наконец появился Гуров. Он с недовольным видом извинился за опоздание и тут же взял быка за рога:

– Давайте перейдем к делу. Итак, расскажите нам о вашем сыне и его друзьях.

– Лев Иванович, извините за замечание, но отряхните, пожалуйста, крошки с вашего пиджака, а то вид уж очень неаккуратный, – невозмутимо попросил Попов.

Гуров, осмотрев себя, увидел, что у него на пиджаке действительно осталось несколько хлебных крошек. Он их медленно стряхнул, изо всех сил стараясь не показать, как взбесился, а Алексей Юрьевич тем временем начал рассказывать:

– Видите ли, дело в том, что мы с женой в свое время очень много работали и поэтому не могли уделять сыну должного внимания. Когда же у нас появилась возможность заняться им, выяснилось, что у него очень слабое здоровье, и это послужило причиной того, что ему многое прощалось, практически все, вот он и вырос очень избалованным человеком. А когда спохватились, было уже поздно.

– Что выросло, то выросло, – насмешливо произнес Гуров

одно из своих любимых изречений.

– Вы правы, – спокойно согласился с ним Попов и как ни в чем не бывало продолжил: – Он был довольно одаренным от природы, легко учился и, окончив школу, поступил в МГИМО. Там сначала познакомился с Эдуардом Старковым, который учился с ним в одной группе, а уже через него с Константином Лаптевым и Евгением Нестеровым. Отцу Нестерова принадлежит ночной клуб «Эго», где они вчетвером и проводили вечера. Я там побывал и увидел, что это довольно приличное по нашим временам заведение, а тот факт, что отец Евгения – его хозяин, служило некоторой гарантией того, что с моим сыном там ничего не случится, тем более что господин Нестеров самым тщательным образом следит за тем, чтобы в клубе никто не распространял наркотики – это я выяснил точно.

– Только они свои пьянки почему-то еще и в вашу квартиру переносили, – ехидно заметил Лев.

– Да, это было, – подтвердил Попов. – Я не раз выслушивал от нашего соседа снизу господина Данилина упреки в том, что Юрий и его гости ведут себя очень шумно, но я, к сожалению, не являлся для сына таким авторитетом, чтобы он прислушивался к моим словам.

– А то, что у отцов друзей вашего сына криминальное прошлое, вы знаете? – спросил Гуров.

– Да, но это был выбор сына, и я на его решение повлиять не мог, хотя очень старался, – ответил Алексей Юрьевич.

– Давайте перейдем к событиям той майской ночи, – предложил Лев, которому уже до чертиков надоело слушать эти обтекаемые речи, которые Попов словно по бумаге читал.

– Хорошо. Мне ночью позвонил господин Нестеров и сказал, что мой сын, как и остальные, находится в районном отделении полиции. Я приехал туда и узнал, что Юрий без сознания, в тяжелейшем состоянии. Это не было следствием побоев, а сильнейшим отравлением, потому что его уже таким доставили в полицию. Я забрал его оттуда и тут же поместил в больницу, где он провел две недели, причем первую – в реанимации, его еле-еле спасли. Когда ему стало лучше, я с ним поговорил и выяснил следующее: в тот день Юрий, Эдуард и Константин выпили довольно много спиртного в клубе, а потом поехали в нашу квартиру, где к ним вскоре присоединился Евгений и его девушка по имени Юлия. У Константина был с собой наркотик, который молодые люди приняли. Это послужило причиной того, что Юрий отключился, больше ничего не помнил и очнулся только в больнице – я уже говорил, что у него очень слабое здоровье. Таким образом, в том, что происходило в квартире, он принимать участия физически не мог.

– В какой клинике он находился? – спросил Гуров.

– В Склифе, – ответил Попов.

– Мы это проверим, – почти угрожающе заявил Лев.

– Да, конечно, – спокойно согласился Алексей Юрьевич.

– Это вы поспособствовали тому, чтобы дело замяли? –

напрямую спросил Гуров.

– Нет! Единственное, что я сделал, – это попросил нашу домработницу съездить в нашу городскую квартиру и убраться самым тщательным образом. А по поводу дела могу сказать, что мне, как и остальным, господин Нестеров сказал, что ситуацию можно урегулировать и назвал, сколько это будет стоить. Мы разделили сумму поровну между собой, отдали ему деньги и все. Я оформил сыну академический отпуск, а когда его выписали из больницы, отвез к младшему брату своей жены. Он военный, живет в военном городке, вот я и попросил его не только присмотреть за Юрием, но и постараться повлиять на него, если уж у меня не получается. Он человек жесткий, с характером у него все в порядке, и он обещал «прочистить парню мозги», как сам выразился.

Тут зазвонил внутренний телефон, и Стас взял трубку, чтобы Гуров не отвлекался, и, выслушав, сказал:

– Лева сейчас занят – беседует с Поповым. Он к тебе потом зайдет... Хорошо, понял.

Алексей Юрьевич, замолчавший на время этого короткого разговора, тут же продолжил с того места, где остановился:

– Сын провел в его семье все это время и вернулся в Москву только вчера утром. Я встретил его в аэропорту и отвез в наш дом за город. Мы с ним поговорили, и он заверил меня, что ни пить спиртное, ни принимать наркотики больше не

будет, потому что понял, чем ему это грозит. Я попросил его ни в коем случае не посещать нашу городскую квартиру и уехал на работу.

– Как видно, он очень серьезно воспринял ваши слова, – насмешливо произнес Гуров, но Алексей Юрьевич на это никак не отреагировал, и Лев продолжил: – Почему же вы квартиру не продали? Могли бы купить ему какую-нибудь другую, никак с тем убийством не связанную.

– Дело в том, что это служебная квартира и в моей собственности не находится. Да, я обратился к руководству с просьбой предоставить мне другую взамен этой, но они просто не успели это сделать. С вашего позволения, я продолжу? – спросил Попов и, не дожидаясь ответа, стал говорить дальше: – На работе уже вечером меня застал звонок жены, которая сказала, что Юрий уехал в город. Поскольку постоянным местом его встреч с друзьями был клуб, я тут же связался с господином Нестеровым и попросил его проследить за молодыми людьми. Он заверил меня, что все сделает и даже запретит подавать им спиртное. Когда я в тот день вернулся домой за город, сына еще не было. Я стал звонить ему на сотовый, но тот не отвечал, как и телефон в городской квартире. Я хотел поехать туда, чтобы проверить, там ли он, но жена удержала меня. Она сказала, что Юрий долгое время не видел своих друзей, вот и пусть они пообщаются. Дальнейшее вы знаете.

– У вашего сына никогда не было суицидальных наклон-

ностей? – поинтересовался Гуров.

– Нет! Даже в самые тяжелые минуты жизни у него их не было, а когда он лежал в больнице, то очень боялся умереть, – ответил Попов.

– У мальчиков-«мажоров» бывают тяжелые минуты? – усмехнулся Лев.

– Как и у всех. Но это было давно и к данному делу отношения не имеет.

– Если вы все рассказали, то можете быть свободны, – сухо заявил Гуров, отмечая пропуск.

Попов встал и пошел к двери, возле которой повернулся и спокойно попрощался:

– Всего доброго, желаю удачи.

Едва за ним закрылась дверь, как Лев, не выдержав, воскликнул:

– Нет, ты видел? У него не то что ноль эмоций, а минус эмоций!

– Лева! Что ты к нему прицепился? – взорвался Крячко. – Ты ни с одним отпетым уголовником таким тоном не разговариваешь! Ты изо всех сил старался вывести его из себя! Что ни слово, то издевка! Что ни вопрос, то насмешка! Словно специально нарываешься на неприятности! Один раз это тебе с рук сошло, так ты решил, что неуязвим на веки вечные?

– Это не я, это он решил, что неуязвим! Что ему все позволено! – огрызнулся Гуров. – Кстати, кто звонил?

– Петр тебя требует, – ответил Стас и поднялся из-за стола. – Кстати, он просил тебе сказать, чтобы ты был с Поповым повежливее, но я даже семафорить тебе не стал, потому что ты еще больше обозлился бы.

– А что случилось?

– Судя по его тону, нечто из ряда вон, так что я тебя одного не пущу! – решительно заявил Крячко. – В случае чего вдвоем отстреливаться будем!

Орлов встретил их с хмурым видом, и его взгляд ничего хорошего не предвещал. Он сидел в своем кресле без пиджака, с приспущенным галстуком и массировал грудь в районе сердца.

– Ну, как побеседовали?

– А тебе уже звонили и приказали, чтобы мы носились с Поповым, как с тухлым яйцом? – ернически спросил Гуров. – И кто же на этот раз за него так хлопочет?

– Ты не ответил, – спокойно напомнил Петр.

– Да ну его на хрен! – не сдержался Гуров и, расхаживая по кабинету, начал рассказывать: – Какой-то хек перемороженный! Мумия ходячая! Говорит как по писаному, словно свою речь заранее наизусть выучил! И сына, хоть уже и покойного, всячески отмазывает! Тот, мол, в отключке был и физически не мог принимать участие в произошедшем! А на самом деле засунул своего уroda в Склиф, заплатил, не скупясь, вот его там и держали! Да если надо, он бы ему и справку купил о том, что тот псих ненормальный, лишь бы в

тюрьму не попал. Нет, вот ты мне скажи, как такие сволочи в Администрацию президента попадают? Проходной двор какой-то!

– Этот хек перемороженный, Лева, блестящий аналитик! Не только тактик, но и стратег! – усталым, тусклым голосом заговорил Орлов. – Умница, каких мало! Он и его жена были нелегалами и работали за рубежом, причем приехали туда вместе с дочкой, которой еще и годика не было. Пятнадцать лет работали, и настолько успешно, что все его награды на груди не поместятся. А потом их перебежчик выдал. Они были арестованы, но сами не сдали никого! И это несмотря на то, что жена Попова была беременна и их сын родился уже в тюрьме, откуда попал прямиком в приют. А ведь, согласись они на сотрудничество, жили бы вместе с детьми под новыми именами в каком-нибудь райском уголке, в полном шоколаде и с приличным банковским счетом. А они молчали! Оба! Наши дипломаты с огромным трудом, но смогли вернуть девочку на родину, потому что она не родилась в той стране, где работали ее родители. Поповых осудили и приговорили к двадцати пяти годам. Но они отсидели по восемь лет, потому что наши смогли их обменять на агентов ЦРУ, которых здесь взяли с поличным. И все то время, что они сидели, их сын находился в приюте. Можешь себе представить, как там относились к сыну русских шпионов? А матери его каково было? Она же все эти годы жила и ничего не знала о собственном ребенке! Сыт или голоден, здоров или болен, а

может, его уже и в живых-то нет! Да и самому Попову было не легче! И, даже когда они уже вернулись на родину, наши мидовцы еще год боролись за то, чтобы мальчишка мог воссоединиться со своими родителями, потому что он по месту рождения – гражданин другой страны. Счастье великое, что его за эти годы никто не усыновил, а то они бы его никогда в жизни вообще не увидели! Здесь Попов работал в Ясеново и преподавал в «Вышке», а вот его жена получила инвалидность. Потом его пригласили работать в Администрацию президента. И он там не пешка! Он – одна из тех шестеренок, без которых весь механизм не работает! И ценят его там на вес золота! Но, что самое главное, он не просто чле-е-ен, – ерническим тоном сказал Петр, – Администрации! Он личный друг, сам понимаешь, каких людей, потому что бывших чекистов не бывает! Ну, и, кроме всего прочего, у него звание генерал-лейтенанта, а у его жены – подполковника! И кто после этого сволочь, Лева? Ты или он?

Все время, пока Орлов говорил, Гуров сидел с закрытыми глазами, его уши полыхали и у него было единственное желание: провалиться сквозь землю куда угодно и никогда больше не возвращаться, чтобы только не видеть глаз своих друзей. А уж что он говорил в свой адрес!

– Петр! Тебе кто-то позвонил насчет него? – спросил Стас.

– Нет, это я звонил, благо есть кому. Обо всех остальных родителях все известно, а вот о нем – практически ничего. Вот я и навел справки.

– Ну, тогда понятно, почему у парня здоровье было хлипкое и почему они с ним так носились, – чувство вины никуда не денешь, – вздохнул Крячко. – А вот ему на них было наплевать! Видимо, у него так и не прошла обида на них за то, что из-за их преданности Родине девять лет в приюте прожил, он и родителями-то, наверное их, не считал. Думаю, специально назло им все делал: и гулял напропалую, и таких дружков себе выбрал. Девочке-то легче было – все-таки до пятнадцати лет с мамой-папой жила, а вот парню досталось. Зато теперь понятно, откуда у Попова такая выдержка – представить страшно, как его там ломали, чтобы к предательству склонить. Уму непостижимо, как он все это выдержал! О женщине я вообще не говорю! Редкая мать такое выдержать сможет! Ее же постоянно сыном шантажировали! Да ей при жизни надо памятник ставить! Как, впрочем, и ему!

– Я сейчас же позвоню Попову и извинюсь, – сказал, поднимаясь, Гуров, но усиленно смотрел в сторону, чтобы не встречаться ни с кем взглядом.

– Ты, Лева, к нему больше близко не подойдешь! – шаркнув кулаком по столу, рявкнул Петр. – Ты его имя вообще забудь! И молись с утра до вечера только о том, чтобы он твое забыл! Ты, Лева, зарвался! И я, старый дурак, хорош! Все воротник тебе подставлял! Лучший из лучших, блин! Да, ты сыщик от Бога! Но только есть настоящие люди, которые свою славу достойно несут, а из тебя с некоторых пор дерьмо фонтаном хлещет. Тебе стало плевать, кто перед то-

бой! Ты всех остальных людей за быдло держишь! Кто дал тебе это право? Ты себя кем стал считать? Ты на что надеешься? Что у тебя Болотин за спиной? Как ты там сказал: «Членов много, а Гуров один. Я не пропаду, а со мной и ты со Стасом»? Да я теперь с тобой на одном гектаре не сяду! И на Болотина не больно-то надейся! Вот уж кого ты подставил, так подставил! Выпендриться решил! Показать, что круче тебя только вареные яйца! Я, мол, на всех вас с прибором положил! Мне все – хрен по деревне! Так еще неизвестно, как ему самому его слова отольются. Или ты забыл, как и не таких, как он, по жизни тонким слоем размазали! И следа от них не осталось! И имен их уже никто не вспомнит! Попову только слово сказать, и тот же Болотин к нему на цырлах прибежит, в глазки заглядывать будет и хвостом вилять – простите, мол, дурака необразованного! На колени бухнется и будет лбом в пол колотить, чтобы грехи свои отмолить!

– Петр! Успокойся, а то тебе с сердцем плохо будет, – тихо проговорил Крячко.

– А то мне сейчас хорошо! – воскликнул Орлов. – Мне, Стас, так хреново, что и выразить не могу! Даже мата не хватает! В общем, так! О Попове больше никому ни звука, ни ползвука! Справок не наводить, вопросов не задавать, разговоры пресекать! Хватит мужику и того, что на его долю выпало, нечего его имя трепать! А теперь иди, Гуров, отсюда к чертовой матери, с глаз моих долой и до шести часов не

показывайся – видеть тебя не могу!

Гуров и Крячко вышли из его кабинета, как побитые собаки, хотя Стас, в общем-то, ни в чем виноват не был, но из солидарности с другом тоже шел понурившись и временами вздыхал. У себя в кабинете Гуров первым делом схватился за телефон и жестом успокоил дернувшегo было Крячко – мол, не Попову звоню. Он действительно звонил не ему, а Болотину, и, когда тот ответил, спросил:

– Игорь, я тебя очень сильно подставил?

– При чем тут ты? – невесело ответил тот. – Надо самому умным быть и, прежде чем язык распускать, навести справки и выяснить, кто есть кто.

– То есть звоночек уже прозвенел? – понял Лев.

– Звоночек! – нервно рассмеялся Болотин. – Тут так рвануло, что уши заложило, удивляюсь, как жив остался. Короче, мне открытым текстом, причем в самых красочных выражениях, было сказано, кто я есть и кем в самом скором времени могу стать, если не поумнею. И добавили, что среди равноудаленных я теперь самый далеко удаленный! И на помощь некоторых людей мне больше рассчитывать нечего! Вот теперь сижу и думаю, как бы мне поумнеть!

– Прости меня, Игорь! – покаянно сказал Гуров и, отключив телефон, долго смотрел в стену, а потом спросил: – Стас! Я действительно зарвался?

– Знаешь, Лева, ты правду о себе уже давно слышать не хочешь, она у тебя между ушей сквозит и следа не оставляет,

так что я лучше промолчу, – ответил тот.

– Спасибо за откровенность, – криво усмехнулся Лев, потом глубоко вздохнул, резко выдохнул и деловым тоном произнес: – Возвращаемся к нашим баранам. Когда будешь разговаривать с Лаптем и Старцем, выясни точно, где находились их сыновья все время после того преступления, чем занимались вообще и в день гибели особенно, в мельчайших подробностях узнай, с кем встречались, о чем говорили и так далее. Пусть весь тот день прямо по минутам распишут!

К шести часам вечера в кабинете Орлова, который выглядел уже немного лучше, во всяком случае спокойнее, собрались все члены группы, и офицеры начали отчитываться прямо по пунктам, которые им продиктовал днем Гуров.

– Докладываю, – начал первый. – Диски с камер наблюдения, установленных над подъездом и возле въезда на территорию дома, были изъяты непосредственно на месте утром 25 мая сотрудником райуправления полиции капитаном Чирковым. Счастье великое, что в восемь часов утра охранник сменился, а новый наотрез отказался выдать диски без соответствующих документов или, по крайней мере, разрешения руководства. Чирков поговорил с директором ЧОПа в присутствии охранника, и тот велел своему подчиненному отдать диски, потому-то мы сейчас и знаем, кто их забрал. Без вашего ведома, Лев Иванович, мы с Чирковым связываться не стали.

– И правильно сделали, – кивнул Гуров. – Что дальше?

– Из графика дежурств видно, что в ту ночь дежурил действительно Иван Семенович Сорокин. Руководством ЧОПа характеризуется только положительно: непьющий, некурящий, старался заработать везде, где только можно, но при этом прижимистый – когда увольнялся, проставился только пивом. Мы связались с райотделом того поселка в Тверской области, где живут его родители, и выяснили, что он находится там. Около двух недель назад женился, а перед этим приобрел неплохой дом, чтобы было куда молодую жену привести. Мы районникам сказали, что он проходит у нас как свидетель, и в подробности не вдавались. У меня все!

– Слава богу, что жив, а то ведь и кончить могли, – заметил Лев. – Уж очень он свидетель опасный. С ним нужно будет поговорить отдельно и очень аккуратно. Кто следующий?

Закончивший доклад офицер сел, а второй поднялся и начал рассказывать:

– Вы оказались правы, Лев Иванович, в дежурной части ГУВД действительно на записи за указанный период времени нет вызова от Виктора Степановича Данилина, а вот в его распечатке, которую я в банке забрал, он есть. Ничего вразумительного по поводу того, куда мог деться вызов, в дежурной части сказать не могут или не хотят. Грешат на сбой в программе и технические неполадки, но тут надо разбираться соответствующим службам, потому что мы в этом не сильны, – вдруг сбой действительно был? Таким образом, выяс-

нить, какой именно наряд туда выезжал, что доложил о результатах и так далее, не представляется возможным. В связи с этим мной были осмотрены все здания вокруг дома. Одна камера наружного наблюдения нашлась на здании филиала Сбербанка. Запись оттуда была изъята капитаном Чирковым, о чем в службе безопасности Сбербанка имеется соответствующий документ, – там не в ЧОПе: на шару не прокатишь и на арапа не возьмешь. А вот на магазине интимных товаров этот капитан камеру проглядел! А оттуда подъезд к воротам очень хорошо просматривается, так что номер машины прибывшего экипажа ППС виден отчетливо! Чтобы никого не настораживать, я задействовал личные связи и выяснил, что в ту ночь на ней работали сержанты Абросимов и Пашков, которые в органах внутренних дел больше не работают. Ушли по собственному желанию, с мест предыдущей регистрации выписались в связи с продажей квартир. Где находятся в настоящее время – устанавливаем. Очень помогли бы их фотографии, но мы решили самостоятельно не заниматься и подождать вашего решения, потому что получить их из отдела кадров без официального запроса у нас самих все равно не получилось бы. Теперь по пострадавшим. По нашим базам данных, ничего серьезного за ними нет. Старков задерживался несколько раз за превышение скорости, причем «быковал» напропалую, за что и пострадал, – даже гаишники отказывались у него взять деньги и составляли протокол. Лаптев полгода назад был лишен во-

дительских прав за езду в пьяном виде, он, правда, никого не сбил, а сам в фонарь въехал, машина – в хлам! Причем отец его отмазывать не стал – видать, понимал, что его сынок в таком состоянии сам в первую очередь пострадать может, и новую машину ему пока не купил. Теперь Нестеров, этот более буйный, чем остальные. Были драки в общественных местах, в основном в ресторанах или клубах, но за последний год – ни одного происшествия: то ли он покротчал, то ли нашел такое место, где его терпят.

– Клуба «Эго» там не было? – спросил Гуров.

– Нет, Лев Иванович, а что?

– Да, видимо, его отец решил, что пусть уж лучше его отпрыск у него на глазах куролесит, чем в других местах, вот он в его клубе и отрывался, – объяснил Лев.

– На Попова же вообще ничего нет, – закончил офицер.

– Итак, что мы имеем на данный момент? – начал Гуров, но Орлов, не давая ему продолжить, перебил его:

– На данный момент мы имеем следующее. Сейчас все разойдутся по своим кабинетам, напишут очень обстоятельные рапорта обо всем, что успели узнать за день, и принесут их мне. А уж я положу их в отдельную папочку и передам ее в службу собственной безопасности, которая в дальнейшем и будет вести это дело. А вы все начнете вплотную заниматься самоубийством, и только им. Задания будут розданы позднее, а пока, после того как рапорта напишете, будете все дружно изучать дела Нестора, Лаптя и Старца в поисках

возможных мотивов мести их сыновьям со стороны бывших поделщиков их отцов, а Гуров с Крячко займутся самими папашами. Все! – твердо заявил он и даже ладонью по столу хлопнул.

В присутствии подчиненных Гуров возражать Петру не стал, но вот, когда удивленные офицеры вышли, сказал:

– Петр! Ты понимаешь, что служба собственной безопасности это дело на тормозах спустит?

– Полковник Гуров! Вы слышали приказ начальника или мне его специально для вас в письменном виде оформить и под роспись ознакомить? – сухо спросил Орлов.

Вопрос был риторический, ответа не требовал, и Лев, понимая, что обозлил Петра до крайности, промолчал, а тот продолжал:

– Доложите мне, господин полковник, что собираетесь предпринять для раскрытия этого дела.

– Господин генерал-майор! Сегодня вечером я, полковник Гуров, собираюсь побеседовать с отцом пострадавшего Нестерова, а полковник Крячко – с отцами Старкова и Лаптева. Эти беседы необходимы для выяснения обстоятельств, предшествовавших самоубийству или убийству. О результатах будет вам доложено завтра. В том случае, если выявится существенная для расследования информация, позднее все будет оформлено официально, под протокол, – сухо ответил Лев, причем еще и по стойке «смирно» встал.

– Тогда можете быть свободны. Оба! – отпустил их Орлов.

С трудом сдерживаясь, чтобы не взорваться еще в коридоре, Гуров, войдя в кабинет, взвился чуть не до потолка:

– Стас! Он что, меня воспитывать решил? Так я вроде уже большенький!

Крячко мудро молчал, давая другу возможность выговориться и стравить пар, а тот и не думал успокаиваться и продолжал бушевать. Он возмущался тем, что Петр оказался таким слабаком, сдался без боя и передал дело службе собственной безопасности, грозил уйти к чертовой матери в частный сыск, а до тех пор не разговаривать с Орловым ни на какие темы, кроме служебных, сетовал на то, что в отделе кадров все уже разошлись, а то бы он прямо сейчас взял у них бланк обходного листа, обещал уйти на больничный, и пусть остальные как хотят, так это дело и расхлебывают. Наконец он выдохся, и тогда Стас заговорил:

– Лева! Если Петр так поступил, значит, у него для этого веские причины. Он ворон старый, мудрый и жизнью битый! Зря не каркнет! Вот он на тебя наорал, чтобы в чувство привести и на грешную землю с небес спустить, и доложил, что воспитательную беседу с тобой провел. А если бы он взбрыкивать стал, то тебя бы опять на ковер к Щенку дернули, и уж тот, в свете вновь открывшихся обстоятельств, имел бы тебя в извращенной форме, долго, сладострастно и с особым цинизмом, чтобы отыграться за пережитое унижение. А ты бы стоял, все это слушал и вякнуть не смел! А если бы посмел, это имело бы для тебя самые плачевные последствия, потому

что он, как ни крути, а заместитель нашего министра, а ты всего лишь полковник-важняк! Вот и думай теперь о Петре все, что хочешь! И вообще мне к Лаптю пора!

Крячко вышел из кабинета, и Гуров остался один – ох, и хреново же ему было! Чтобы не оставаться наедине со своими мыслями, он поехал в клуб к Нестерову, хотя встреча и была назначена на более позднее время.

Предупрежденная охрана, пообещав немедленно сообщить хозяину, что его гость уже здесь, мигом проводила его в зал, где молоденькая официантка усадила его за столик в углу, который был отгорожен от остального зала стойками с вьющимися растениями, причем на столе стоял большой букет цветов, и застыла рядом в ожидании заказа.

– На других столах цветов нет, а здесь есть, почему? – спросил Лев.

– За ним всегда отдыхал сын хозяина с друзьями, он был постоянно для них зарезервирован, потому что они могли приехать в любой момент, – объяснила она. – А теперь хозяин распорядился, чтобы до сорока дней на нем каждый день свежие цветы стояли и сюда никого не сажали, только вот для вас велел исключение сделать.

«А Нестор, оказывается, с годами сентиментальным стал, – подумал Гуров. – А может, просто сына любил?»

– Скажите, кто обслуживал этот столик в тот последний вечер, когда они здесь сидели?

– Не знаю, это не наша смена была.

– Но вам приходилось их обслуживать? – Девушка кивнула. – Расскажите, как они себя вели, что пили, что ели? Если приглашали к себе за столик кого-нибудь, то по какому принципу?

– Извините, но вам лучше подождать хозяина. Если он прикажет, мы вам все расскажем, а пока я лучше помолчу, – ответила она и спросила: – Что вы будете заказывать?

Этот начавшийся еще ранней ночью день был таким длинным, тяжелым и нервотрепным, что вымотавшийся, издерганный и злой на весь белый свет Гуров, хотя ничего толком и не ел, ни малейшего аппетита не почувствовал и попросил только чашку чая. Девушка тут же протянула ему меню, раскрытое на странице напитков, и Лев увидел там не меньше десятка всяких наименований.

– Девочка, – устало сказал он. – Я человек старой закваски. Принеси мне большую чашку крепкого сладкого чая, самого обыкновенного.

Она ушла, а Гуров стал осматриваться. В этот час зал был еще практически пуст, и откуда-то доносилась тихая музыка. Выглядел изнутри клуб вполне достойно и рассчитан был явно на приличную публику, которая рэпом и прочими современными «изысками» не увлекается, а предпочитает камерную обстановку, – Нестор был тоже человеком старой закваски. Чай появился довольно быстро, именно в большой чашке и заваренный явно не из пакетика. Лев сидел, попивая обжигающий, крепкий, сладкий напиток, и чувствовал, что

начинает ощущать себя немного бодрее, хотя настроение от этого не улучшилось, да и не могло. К счастью, ему не пришлось долго оставаться в одиночестве, потому что появился Нестор. Им приходилось раньше встречаться, причем сидели они тогда по разные стороны стола, вот и сейчас Гуров, чтобы сразу расставить точки над «i», предложил тому сесть напротив, объяснив, что ему так и удобнее, и привычнее.

– Как скажешь, Гуров, – усмехнулся Нестор. – Сейчас ты банкуешь!

– А всегда так было и будет! – жестко произнес Лев и с ходу потребовал: – Давай все с самого начала!

– Знать бы еще, где оно, это начало, – вздохнул тот и закурил. – Короче, мой сын Женька с Костькой Лаптевым и Эдькой Старковым давно знакомы были. Мы с их отцами корешили, вот и им это как бы по наследству перешло. Тем более что почти ровесники. Женьку я в экономический запихнул, чтобы он со временем мог самостоятельно нашим бизнесом управлять, ни на кого не полагаясь, но толку из этого не вышло – как был разгильдяй, так и остался! Каждую сессию за каждый экзамен и зачет я платил. Хотел уже было забрать его оттуда, но уж больно ему студенческая жизнь нравилась, вот и решил – пусть еще поваляет дурака, да и диплом, хоть и купленный, лишним не будет. У меня ведь вся надежда на него была, потому что дочка шалавой выросла, вся в мать! Где уж она к наркотикам пристрастилась, не знаю, но с тех пор из клиник не вылезает, – медленно рассказывал Нестор,

а потом вдруг неожиданно спросил: – Слушай, Гуров! Может, мне развестись со своей дурой? Найти нормальную бабу, которая мне настоящего наследника родит? А что? Я еще нестарый, вполне смогу сына на ноги поднять, чтобы было кому свое дело передать, потому что от дочки ни толку, ни наследников ждать не приходится. А то повелся я в свое время, как последний дурак, на модель длинноногую, а из этого вон что вышло! Как думаешь?

– Что я тебе могу на это сказать, Нестор? – пожал плечами Лев. – Это только тебе решать! – и спросил: – Значит, у тебя в клубе наркоты нет потому, чтобы еще и сын на нее не подсел?

– Понимаешь, Гуров! Наркота дело хоть и опасное, но очень прибыльное, только сын мне дороже был. Он же характером в меня пошел – чуть что не по нему, и он тут же в пятак! Вот я и сказал ему, чтобы он со своими друзьями здесь за счет заведения гулял: они меня этим не разорят, а мне спокойнее. С тех пор он больше ни в какие истории не влипал, потому что все время на глазах был, да и охрана все конфликты мигом гасила.

– Не вышел у тебя, Нестор, каменный цветок! – развел руками Лев. – Влип все-таки!

– Об этом потом, – хмуро пообещал Нестор и, снова закурился, продолжил: – Костя на год постарше моего был и там же учился, но он хоть пытался заниматься – у Лаптя ведь, сам знаешь, разговор короткий, а удар быстрый. Но не в отца

он пошел – тот человек прямой, а этот хитрованом вырос. А своего Старец нет чтобы в строительный засунуть, так в МГИМО определил. На кой хрен ему это сдалось, не знаю! Думаю, просто решил мощной тряхнуть и показать, что ему это по средствам – он всегда выпендренником был, потому и сына так назвал. Эдька парень неплохой был, всего в меру: и ума, и силы, но выпендренник, как и отец, правда, в их институте по-другому нельзя. Там-то Эдька с Юркой и познакомился, и он у них четвертым стал.

– А он что собой представлял? – спросил Гуров.

Хотя Орлов и приказал ему строго-настрога забыть имя Попова и никаких вопросов о нем не задавать, но ведь он сейчас говорил не об отце, а именно о сыне, тем более что это было нужно для дела.

– Странный он был. Ну, конечно, одет, ухожен, тачка соответствующая, но вот было в нем что-то... – Нестор задумался, а потом сказал: – Юрка был невысокий, щуплый, такой, казалось бы, при малейшей опасности под стол залезть должен, но Женька говорил, что, когда у них четверых как-то свара началась с какими-то парнями, он не сбежал, а, как зверь, дрался. У него нос разбит, бровь рассечена так, что кровь глаз заливает, а он внимания не обращает. На лицо он довольно симпатичный был, но вот глаза!словно от другого человека достались! Будто он все уже в жизни видел, и его ничем не удивить. Вот! Равнодушный он! Холодный! – подобрал нужное слово Нестор. – Этим-то он Эдьку и зацепил!

А еще не то чтобы злой, но, как еж, ошетилившийся! Он ни с кем в группе подружиться даже не пытался, держался особняком, никого близко к себе не подпускал.

– Наверное, девчонкам нравился? Эдакая таинственная личность.

– Может, и нравился, только он их в упор не видел.

– Ориентация другая?

– Да нет! Просто он всех женщин презирал, называл суками и говорил, что ни одной верить нельзя.

– Даже матери?

– Ну, тут разговор особый. Он своих родителей «опекунами» называл, мог их даже «по матери» послать. Я как-то не выдержал и сказал ему, что нельзя так, они же ему жизнь дали, любят его. А он только криво усмехнулся и ответил, что они не его любят, а свою родину. Умный парень был. Они тут чуть ли не до утра гудят, а он потом на занятиях отвечает так, словно всю ночь зубрил. Одно только плохо – пить не умел совершенно. Несколько раз его наизнанку выворачивало, но потом он свою дозу определил и больше никогда не перебирал.

– Скажи, они всегда у него гуляли или еще где-нибудь?

– У него, он сам это предложил. Гудели напропалую. Знаешь, мне иногда казалось, что он этим хотел отца опозорить, словно мстил ему за что-то, – пожал плечами Нестор. – Хотя за что тому можно было мстить? Я его видел несколько раз и хочу тебе сказать, что хоть ростом он и невелик, но мужик!

В нем стержень есть! Один взгляд чего стоит! А вот с сыном ничего сделать не мог!

– Ну, с ними все более-менее ясно, а если чего, я потом уточню, – сказал Гуров. – Давай по той ночи!

– Какой? – сделал вид, что не понял, Нестор.

– Не хитри! По той, когда они девчонку изнасиловали и убили. Только не говори, что это была проститутка, которую они на трассе сняли! Я уже знаю, что она с твоим сыном встречалась.

– Да ничего бы не было, если бы Костыка наркоту не достал! – буркнул тот, отвернувшись. – Мы потом с тем паскудой, что ему таблетки продал, по-свойски разобрались, да сделанного уже не воротишь! Понимаешь, раньше у Женьки девки постоянно менялись – он же красивый парень был. Но все несерьезно, так, для развлечения, причем и у девчонок тоже – чего же за счет заведения не погулять, а потом еще и с красивым парнем не перепихнуться? А тут другое получилось. Короче, у меня здесь охранником парень работал – Илья Григорьев. Он из Подмосковья, из Чеховского района. В Москве с сестрой жил, комнату снимали. Года два проработал, причем нормально, без замечаний. А тут пришел ко мне и попросил сестру его устроить, потому что та фирма, где она работала, обанкротилась, а образования у девчонки никакого нет: школа и все. Я сказал, если только официанткой, тем более что место освободилось. Начала она работать, ничего, справлялась. Брат за ней тут постоянно присматри-

вал, так что никто ее обидеть и не пытался – у парня кулаки пудовые. Тут-то ее Женька и углядел. И ведь зацепило сына моего, причем всерьез! Влюбился! Ну, а репутация-то у него известно какая – бабник! Так что сторонилась она его, хотя я видел, что он ей тоже понравился. Я, как это дело раскусил, стал к ней присматриваться, и, ты знаешь, вполне ничего! Не красавица, но что-то такое в ней было. Стал уже подумывать о том, что, глядишь, и остепенится мой балбес. То, что у них с братом за душой ни гроша и она без образования, – так и черт с ним! Главное, что девчонка чистая, порядочная, а не шалава, которая и родить-то не сможет. Стал я уже потихоньку о внуках мечтать, а Женьке внятно сказал, чтобы лишнего себе не позволял. Он на меня даже обиделся, что я его, мол, за дурака считаю. В тот день у нее выходной был, вот он и пригласил ее по Москве на машине покататься, потом они сюда перекусить заехали и снова уехали, как выяснилось, к Юрке, где уже остальные трое их ждали.

Нестор замолчал, щелкнул пальцами, и возле их столика тут же появилась официантка, которая заменила полную окурков пепельницу на чистую – Нестор курил одну сигарету за другой, – и застыла в ожидании распоряжения.

– Водки и закуски! – приказал он, и, когда она ушла, продолжил: – А там уже Костька, сволочь! Не тем будь помянут! Он Женьке и остальным эти таблетки и предложил! А было их четыре штуки! За рулем Женька не пил – я ему внятно объяснил, что машину отберу к чертовой матери. Так что он

только там выпил, а остальные уже хорошие были, вот и решили: чего ж не попробовать? Юрка тут же вырубился, а вот Женьке крышу снесло! Он парням мигнул, чтобы они их с Юлькой вдвоем оставили, и к ней полез, а она-то нормальная, наркотик не принимала! Стала от него отбиваться, тут уж он совсем голову потерял – все девки сами на него вешаются, а эта сопротивляется! Юлька сначала уговаривала его, чтобы он ее не трогал, а потом кричать начала.

– Так он ее изнасиловал или нет? – в лоб спросил Гуров.

– В том-то и дело, что нет! – в сердцах бросил Нестор.

Подошедшая официантка быстро расставила на столе водку с закуской и бесшумно удалилась. Нестор взялся за графинчик и вопросительно посмотрел на Гурова, но тот отрицательно покачал головой:

– За рулем!

– Ну, а я приму за упокой души сына, – сказал Нестор и налил себе не в рюмку, а в бокал для воды, причем почти доверху, выпил в один прием, бросил в рот маслину и стал рассказывать дальше:

– Даже если бы и изнасиловал, все обошлось бы, если бы не этот сосед! Чтоб ему! – с ненавистью воскликнул он. – Я бы и ей все объяснил, и сыну у нее на глазах таких звездюлей навешал, что на всю жизнь запомнил бы! А тут как в дверь барабанить начали, Эдька с Костей прибежали и сказали, что это менты. Она еще громче кричать начала, на помощь звать, к двери бросилась. Эдька ее по дороге перехватил и обратно

в комнату толкнул, да вот только силы не рассчитал. Она на ногах не удержалась и упала. Да неудачно так, прямо виском об угол стола. Женька к ней кинулся, а она уже... – тихо закончил Нестор и, вздохнув, добавил: – Ну, пусть земля ей будет пухом! Бедная девочка! – Он налил себе водки, залпом выпил и стал рассказывать дальше: – Парни перепугались насмерть – они же не мы, их жизнь не была, они нары не нюхали, в СИЗО не ночевали, тюремную баланду не жрали. Привыкли, что мы их всегда из всех неприятностей выручали. А тут еще мозги спиртным и наркотой затуманенные, вот и запаниковали: за дверью менты, в квартире свежий труп. Что делать? Женька бросился мне звонить, а Эдька с Костей решили следы замести. Взяли ее и с балкона сбросили – типа она же все равно уже мертвая, хуже не будет. Ты не думай, я Женьку не отмазываю – ему теперь уже все равно, как и остальным, просто я своего сына знаю, у него бы духу не хватило ее вот так выбросить – он же ее любил. Я в это время за городом был и после Женькиного звонка в Москву сорвался. Где дом Юрки находится, я знал, подъехал, а там уже полон двор ментов. Я среди ночи всех на уши поднял, выход на Тихонова нашел и прямо к нему домой поехал. Объяснил, кто я, от кого и в чем проблема, а потом напрямую спросил: сколько мы должны заплатить, чтобы вообще никаких следов не осталось, потому что мне сказали, что с ним можно не деликатничать. Он мне тогда только приблизительно цифру назвал, дальше будет видно по обстоятельствам, но такую,

что я ушам своим не поверил. А куда деваться? Но он меня предупредил, что эта сумма за все – от начала до конца. Потом, правда, она еще чуть ли не наполовину увеличилась, так что дорого нам эта история обошлась!

– От кого ты к нему пришел? – как бы невзначай спросил Лев.

– А тебе это зачем теперь? – усмехнулся Нестор. – Тихонова все равно в живых уже нет, а я лишние неприятности людям создавать не люблю, да и они еще больше не любят, когда в ответ на услугу им самим создают неприятности.

– А ты не слышал, как он в горуправление попал? Кто ему помог?

– Ты, Гуров, словно дите малое. Или не приходилось слышать, что и у вас должности продаются?

– Понятно! Кстати, как ты думаешь, с Тихоновым действительно произошел несчастный случай или он мог застрелиться? – на всякий случай спросил Гуров.

– Из того, что я о нем знаю, ни то ни другое. Он с пистолетом обращался как повар с картошкой, так что несчастный случай тут исключен. А с другой стороны, такие, как он, не стреляются!

– Ладно, давай дальше.

– Ну, тут уж я всех остальных обзвонил, и собрались мы все возле райуправления, куда уже наших придурков доставили, а Тихонов сам по себе, отдельно подъехал. Пока он там со своими разбирался, я рассказал остальным, в чем дело, и

сколько надо, чтобы все замять, а потом нам наших сыновей выдали. Юрка практически труп был, и его сразу же «Скорая» увезла, Лапоть своего прямо там, во дворе, воспитывать начал, да так, что тот не успевал с земли подняться. Я со своим уже дома разбирался, но зубы ему почистил лучше, чем какая-нибудь зубная паста разрекламированная, да он и не сопротивлялся. Старец тоже былые навыки вспомнил и со своим по душам поговорил. Только девчонку-то хорошую, чистую уже не вернешь! Ну, мы своих идиотов кто куда распихали на всякий случай. Старец, я знаю, Эдку за границу отправил, Лапоть, как узнал, что это его наследничек наркоту где-то раздобыл, так за граница разом отпала, и он его к дальней родне в жуткую глухомань сослал, Юрка в больнице долго валялся, а потом тоже куда-то делся. Ну, а я Женьку отправил навоз таскать – есть у меня здесь в области одно фермерское хозяйство, вот он там и вкалывал, причем я управляющего предупредил, чтобы он его не жалел. А если тот «быковать» начнет, то кулаком его вразумить и можно, и нужно. Только Женька себя тихо вел, потому что пришибла его эта история – он ведь действительно влюбился по-настоящему. Мне из области постоянно звонили, и я это точно знаю. Первую неделю он пил, не просыхая, и даже, говорят, плакал, а потом потихоньку оклемался, но... Потух он, понимаешь? Сломался!

– А что с телом девушки случилось? За город вывезли?

– Ты меня совсем уже зверем считаешь? – возмутился

Нестор. – Не заслужила она такого. Хотя если бы так поступили, то, может, и последствий бы никаких не было, но... Сентиментальным, наверное, к старости становлюсь. В общем, оформили все так, словно ее машина сбила и с места происшествия скрылась, чтобы можно было ее по-человечески похоронить. А Илье я сказал, что она с Женькой поругалась и убежала от него, и в том, что с ней потом случилось, мой сын не виноват, что это был несчастный случай. Денег ему дал и на похороны, и так.

– И он взял?

– Взял! Домой ее хоронить повез.

– То есть он тебе поверил? – уточнил Лев.

– Сначала поверил, а потом... Я не знаю, от кого он правду узнал, но только пришел он ко мне через некоторое время и с кулаками набросился. Ну, я тоже не мальчик, да и охрана подросла. Выкинули они его на улицу, а он мне напоследок крикнул: «Ты проклянешь тот день, когда Женьку отмазал! И все остальные – тоже!» Ну, тут ему еще наподдали, и он ушел. Больше я его не видел. Вот тебе и вся история.

– Да не вся, Нестор, раз она такое продолжение получила, – покачал головой Гуров.

– Ты думаешь, это Илья отомстил? – спросил тот, и глаза у него стали до того страшные, словно вернулся он в лихие девяностые и стоял сейчас перед ним его лютый враг. – Но как? Я же все в подробностях знаю! В квартире, кроме них, никого не было, и в дом посторонние не входили. Предпо-

жим, это банкир мог его в свой дом впустить, и тот как-то сумел наверх подняться. Но парни-то все трезвые были! И с четверыми бы он так легко не справился, чтобы одновременно с балкона скинуть. Только следов борьбы в квартире не нашли!

– Все правильно, и чужих отпечатков пальцев там тоже не обнаружили, – подтвердил Гуров. – И со слов того же банкира я знаю, что спрыгнули они добровольно.

– А не мутит ли что-то этот Данилин? – нехорошим тоном спросил Нестор. – Что-то он всегда вовремя там оказывается! Нет, надо было мне с ним еще тогда разобраться!

– Что же не разобрался?

– Да справки навел и кое-что интересное о нем узнал, – многозначительно произнес хозяин клуба.

– Поделиться не хочешь?

– Ну, например, то, что водилу, из-за которого его дочь с зятем погибли в ИВС, в первую же ночь опустили, так что в СИЗО ему весело сиделось, – усмехнулся Нестор. – Потом ему впаяли по максимуму, на черную зону под Нижний Тагил отправили, а там в первый же день кончили так, что я своему заклятому врагу не пожелаю – в сортире утопили.

– А зону ту случайно не Ванька-Конь держит?

– Он, а что? – насторожился Нестор.

– Да так, ничего.

На самом деле он понял, что Данилин, который тоже был другом Болотина, все через него и устроил, потому что Лев

сам и познакомил Игоря с Ванькой-Конем, он же вор в законе Иван Федорович Жеребцов. Потому-то Виктор и сказал, что, если у него, не приведи господи, что-нибудь опять случится, обходиться он будет своими силами. «Да, лихие нынче банкиры пошли! – подумал Лев. – И ведь, скорее всего, это именно Данилин рассказал Илье о том, что тогда произошло. Точнее, то, что он слышал и домыслил. А что? Вполне возможно. Для Ильи было несложно выяснить, где жил Юрий, в квартире которого эти подонки всегда гуляли, а дальше – дело техники. Можно было познакомиться с охранником и для начала выяснить у него, кто в соседях у Поповых, да и другие подробности – наверняка ведь в доме обсуждали то ночное происшествие. Потом узнать, что именно Данилин вызвал полицию – он же вместе с нарядом вниз спускался, и это могли многие видеть. Ну, а потом обратиться непосредственно к Данилину, и тот, пылая от возмущения, ему все и рассказал. Но как Илья мог все это устроить?»

– Ты о чем задумался? – услышал Лев голос Нестора и даже вздрогнул от неожиданности.

– Так, расклад анализирую, – ответил он. – А теперь я тебя буду очень предметно спрашивать, а ты внимательно слушать и отвечать. Когда твой сын вернулся в город? И, если знаешь, когда вернулись в город Эдуард с Константином? Чем они занимались и бывали ли здесь?

– Понял, отвечаю. Женька вернулся неделю назад, а Эдька с Костей на следующий день. Один Женька здесь не по-

являлся – что ему тут делать? На следующий день они здесь уже втроем собрались, но вели себя тихо, почти не пили, а больше говорили – рассказывали друг другу, кто где был и чем занимался. О том, что Юрка возвращается, я накануне от сына узнал, потому и велел на следующий день стол уже на четверых накрыть. Мне днем Попов позвонил и попросил присмотреть за парнями, так я распорядился им только безалкогольные коктейли подавать и ни капли спиртного, а послушаться меня здесь никто не решится. Я несколько раз в зал заглядывал и видел, что они просто сидели и разговаривали, и за столиком у них никого больше не было. Потом они собрались и уехали к Юрке, как мне Женька сказал. Может, по дороге чего и купили, но здесь точно не пили.

– Получается, что четыре дня они отдыхали здесь втроем, и ничего не случилось, а вот, когда всей компанией собрались, их и посетило настолько сильное желание полетать, что они с балкона прыгнули. Встретились они только здесь. А о том, что их будет четверо, стало известно еще накануне, – стал рассуждать Лев.

– Ты к чему ведешь? – насторожился Нестор.

– А к тому, что кто-то ждал, когда они все вместе соберутся, чтобы уж всех одним разом! И этот кто-то или работает у тебя, или постоянно сюда ходит! Я пока не знаю, кто это и как он это сделал, но другого варианта нет.

– Я убью всех до единого! А Старец и Лапоть мне в этом помогут! – сказал Нестор и, налив себе, произнес: – Ну, за

упокоей их грешных душ! – и выпил.

– Погоди лютовать! Разобраться надо! – поморщился Лев. – А то действительно устройте кровавую баню, как в дни своей молодости! Только в этот раз сядете! Хотя, по справедливости, вам там давно пора быть! Есть за что!

– Добрый ты, Гуров! – усмехнулся Нестор.

– Давай сразу определимся! Я – честный мент, ты – бывший браток, что в крови по маковку искупался. Да, в свое время ты избежал наказания, причем совершенно заслуженного! И хотя ты под честного бизнесмена косишь, этим свои грехи не покроешь! Тебе их до самой смерти не отмолить! И то, что я сейчас с делом твоего сына и остальных разбираюсь, еще не означает, что мы с тобой равны.

– Разберись, Гуров! Разберись! Христом богом тебя прошу! – не обращая внимания на резкий тон Льва, попросил Нестор. – А уж за нами не заржавеет!

– Все знают, что я не беру, один ты об этом не слышал? – усмехнулся Лев.

– При чем тут деньги! – отмахнулся тот. – Только тебе иметь таких должников, как мы, не лишним будет! Да, мы не ангелы! И наши сыновья виноваты, кто больше, кто меньше! Никто с этим не спорит! Но так с ними поступить – это перебор!

– Знаешь, Нестор! Вот если бы вы тогда те деньги, что Тихонову отдали, на адвокатов потратили, отсидели бы ваши сыновья и живы остались! – заметил Лев.

– Кто же знал, что так выйдет? – тяжело вздохнул тот.

– А теперь запоминай, что мне от тебя надо. Подготовь к завтрашнему дню самый подробный список всех твоих сотрудников с адресами и телефонами. И тех, кто официально работает, и тех, кто без оформления, с указанием, кто и когда устроился в этот клуб. Кстати, отсюда никто не увольнялся?

– Никто! А документы я составлю! – с готовностью кивнул Нестор.

– Дальше. Как я выяснил, у тебя люди работают посменно, значит, мне потребуется самый точный график, кто и когда работал последние четыре дня: сегодня, вчера, позавчера и позавчера. Это я на всякий случай страхуюсь. Если люди друг друга подменяли, то кто и кого. Записи с камер наблюдения, все до единой! Список постоянных членов клуба у тебя есть?

– А как же, они же ежемесячно взносы платят.

– Значит, он мне тоже потребуется. Причем давай сделаем так: мне нужны будут общие списки, а еще отдельно составь списки тех, кто устроился к тебе на работу или вступил в члены клуба после 25 мая. Понял, к чему я веду?

– Понял, не дурак! – снова кивнул Нестор.

– У тебя когда здесь рабочий день начинается?

– Во сколько скажешь, во столько все здесь и будут! – твердо заявил тот. – Надо будет, так и ночевать заставлю! Надо будет, на завтрашний день просто закрою клуб по техническим причинам.

– Вот это будет самое лучшее! Значит, собери всех работников здесь в зале к одиннадцати часам. Мы с Крячко подыдем, записи с камер посмотрим, а потом будем с каждым человеком отдельно беседовать. А вот с теми, кто сюда отдыхать приезжает, если потребуется – уже послезавтра, после того как исходная информация появится, потому что кто-то из них мог просто привести сюда своего гостя – у вас ведь такое возможно?

– Да, одного человека член клуба может провести с собой.

– Теперь дай мне самую полную информацию на Илью и его сестру – чем черт не шутит? Вдруг действительно за этим самоубийством именно он стоит?

– Тогда пошли ко мне в кабинет, – предложил Нестор.

Они пошли через зал, и Лев увидел, что там стало уже довольнолюдно и шумно – раньше он просто не обращал на это внимание. Народ активно съезжался, чтобы весело провести время до утра – клуб-то ночной. В кабинете, обставленном без особой роскоши, именно как рабочее помещение, Нестор достал из сейфа папку, вынул из нее несколько скрепленных обычной канцелярской скрепкой листков и протянул Гурову.

– По старинке живешь? – усмехнулся Лев.

– Так надежнее, – ответил тот. – Хакеров развелось, как собак нерезаных, а мой сейф – хрен кто взломает!

– Не особо хорохорься – если нужно будет, умелец найдется! – остудил его пыл Лев.

– Ну, если жизнь не дорога, может попытаться. Только там ничего интересного нет, потому что основная информация – вот здесь! – постучал себя по лбу Нестор. – И на память я пока не жалуясь! Вот вы меня сколько раз брали, а никаких документов никогда найти не могли, потому что их просто не было! Любой клочок бумаги – это улика! А вот сюда, – он снова постучал себя по лбу, – не влезешь!

Гуров выписал с ксерокопий всю нужную информацию, а потом долго рассматривал фотографию молоденькой, довольно симпатичной девушки, чья жизнь так рано и трагически оборвалась.

– Вот и я, бывает, достану и смотрю, – неожиданно сказал Нестор. – Хорошая бы из нее жена для Женьки получилась! Да не судьба! Жалко ее! И Илью я, по большому счету, понимаю, но, если за смертью моего сына стоит он, пусть молится, если умеет, и место на кладбище готовит.

– Все никак старые замашки оставить не можешь, – покачал головой Гуров и поднялся. – Значит, завтра к одиннадцати все должно быть готово, – напомнил он.

– Ты сказал – я услышал, тем более что сам в этом кровно заинтересован.

– Ну, тогда у меня пока все. – Лев собрался уходить, но его остановил вопрос Нестора:

– Может, поешь чего, а то чаем сыт не будешь? У меня кухня хорошая, еще никто не жаловался!

– Да нет, поеду, – отказался Гуров, а потом, подумав, до-

бавил: – Слушай, у меня к тебе просьба.

– Шутишь? – удивился тот. – Все что смогу.

– Тогда продай мне бутылку своего самого лучшего коньяка или виски, только настоящего, а еще сигарет, тоже настоящих.

– Продать? – удивился и даже возмутился Нестор. – А в подарок ты принять не можешь? – Но, встретив жесткий взгляд Льва, сказал: – Понял, ты даже такую мелочь от меня взять не хочешь! Но хоть по закупочной цене, может, согласишься заплатить?

– Соглашусь, – кивнул Гуров.

Нестор распорядился, и через несколько минут официантка принесла полиэтиленовый пакет, в котором что-то лежало. Лев отдал десять тысяч рублей, даже еще не зная, за что именно, и Нестор пошел проводить его до машины. В служебный коридор из зала доносилась уже более громко звучащая музыка, раздавались веселые голоса и смех. А вот Гурову с каждым шагом становилось все более и более погано, потому что предстоял одинокий вечер, когда он останется один на один со своими мыслями и теми совершенно справедливыми – чего уж душой кривить? – словами, которые он сегодня выслушал от своих друзей. И единственное спасение от тоски и отчаяния лежало сейчас в пакете, который он нес.

Приехав домой, Лев начал было готовить себе ужин, а по-

том бросил – не то у него состояние, чтобы возиться. Открыв, наконец, пакет, он достал оттуда бутылку дорогоущего японского виски «Сантори» и блок настоящего, американского, «Мальборо». Все это вместе никак не могло стоить десять тысяч рублей и он, помотав головой, пообещал себе высказать кое-что Нестору. Но позже! А сейчас он налил себе полстакана и залпом выпил, после чего сел и закурил, хотя уже много лет как бросил. На душе было так погано, что словами не описать, а, поскольку на голодный желудок его быстро повело, мысли в голове начали вертеться самые нехорошие. «В какую же сволочь я превратился! – думал он. – Прав Петр! Я действительно зазнался. Решил, что мне все позволено. Это не Болотина, это меня надо было мордой по столу возить! И не фигурально, а в самом прямом смысле! Орлов еще поделикатничал, я и не таких слов заслуживаю. Но что же такое со мной произошло? Ладно, хрен с ним, с моим горором! Характер у меня всегда был тяжелый. Но мозги-то мои кто отключил? Неужели я начисто разучился разбираться в людях, раз не понял, что представляет собой Попов? Вот с Нестором, этим бывшим «братком», на совести которого немало человеческих жизней, я сидел и нормально разговаривал, а на Попова, еще даже не зная истинного положения вещей, взъелся и вел себя как последняя скотина! Представляю себе, что он обо мне подумал! Или это меня Данилин накрутил, и я уже заранее решил, что этот достойнейший человек, которому я в подметки не гожусь, тварь последняя?

Я стал настолько подвержен чужому влиянию? Ладно, ясно, что Виктору не позавидуешь – родную дочь потерял, но с водителем тем он как обошелся? Чем он лучше того же Нестора? Тот ведь тоже сына потерял! Господи! Как же мне теперь людям в глаза смотреть? Орлову? Стасу? Как мне извиниться перед Поповым? Как доказать ему, что я не законченная сволочь, которых в полиции, к сожалению, немало, которая, пользуясь своей властью, стремится самоутвердиться за счет тех, кто не может ей противостоять? Как объяснить ему, что я просто зарвавшийся дурак, возомнивший о себе невесть что? Но я ведь исправлюсь! Я больше таким не буду! Я стану чутким и внимательным!»

Гуров занимался самобичеванием, перебирая все ошибки, которые совершил в жизни, – а у кого их нет? – копался во всех своих грехах, а сам тем временем подливал и подливал себе в стакан и курил одну сигарету за другой. Он вспоминал, каким был в молодости: наивным, чистым, легко смущался и краснел, а главное, свято верил в закон. А каким он стал сейчас? Матерый волчара от сыска, для которого не осталось ничего святого! Которому уголовники, как бывшие, так и настоящие, гораздо ближе и понятнее, чем нормальные люди! Да для него нормальных людей уже и не осталось, он в каждом видит потенциального преступника! Подозревает черт-те в чем! А человек, может быть, ни в чем и не виноват! Вот и Маша! Ну, собирала она сумку, ну, отбирала вещи поновее и понаряднее, так она же актриса, тем более что едет

за границу, а он себе напридумывал! Бедненькая! Как же ей с ним тяжело!

Лев напился не то чтобы в стельку, но мысли стали путаными и бессвязными, и он, даже не посмотрев на часы, решил немедленно извиниться перед женой за свои гнусные подозрения и позвонил Марии. Она ответила ему сонным голосом, но, едва услышав его затрудненную речь, мигом всполошилась:

– Лева! Что с тобой? Ты заболел?

– Маша! Ты меня прости! Я последняя сволочь! – пьяным, расслабленным голосом говорил он. – Я знаю, что тебе все эти годы было со мной очень трудно, но я обещаю тебе, что больше этого не будет.

– Лева! Ты меня пугаешь! – уже истерически визжала она. – Что с тобой происходит? Ты пьян? Почему? Что случилось?

Объясняться с ней подробно у Гурова сил не было, и он просто пробормотал:

– Извини, я больше не могу говорить. Сама потом все поймешь! – и отключил телефон.

Решив, что часть своей вины перед женой он, извинившись, искупил, а с остальным разберется завтра, Лев выпил еще и собрался было пойти лечь спать, но понял, что на это у него сил уже не осталось, и, уронив голову на стол, забылся тяжелым, пьяным сном. Звонил, надрываясь, его сотовый, разрывался стационарный телефон, но он этого уже не слы-

шал.

Очнулся Гуров оттого, что его кто-то старательно поливал водой. Он с трудом поднял голову и увидел перед собой Крячко. Тот стоял и смотрел на него с неопишимо брезгливым выражением лица, держа в одной руке чайник, а в другой – сотовый телефон, в который и сказал:

– Петр! Все нормально! Гуров не застрелился! Жив-живехонек! Его вчера, видимо, душевные муки терзали, но он их победил! Он же у нас герой! Утопил их, на хрен, в виски! И дело с концом! Больше пол-литра выжрал, алкаш ненаглядный! Можешь войти и полюбоваться!

– Я забыл закрыть дверь? – пробормотал Гуров.

– Нет, Левушка! Дверь ты закрыл! Только у пожарных подъемники существуют! – язвительно проговорил Стас. – Хорошо еще, что окно у тебя в кухне открыто было, не пришлось ничего взламывать! А вот мне на старости лет пришлось по твоей милости новую технику осваивать!

Стас пошел открывать дверь Орлову, и в кухню вернулся уже с ним. Петр стоял молча, раскачиваясь с пятки на носок, и смотрел на Гурова таким взглядом, что Льва, хоть и пьян был, проняло, и он отвел глаза.

– Давай-ка его под холодный душ – он и не таких в чувство приводил! – предложил Орлов. – А вот потом и поговорим, потому что сейчас это бесполезно! А мне ему очень много чего сказать хочется!

Даже в таком состоянии черта лысого они бы с Гуровым

справились, если бы тот решил сопротивляться, только он и не думал этого делать и покорно пошел в ванную сам. Под надзором Крячко стоял, клацая зубами, под холодным душем, чувствуя, как хмель постепенно выветривается, а точнее, вытекает вместе с водой из его головы. Когда они вернулись в кухню, закутавшегося в большой махровый халат Льва уже ждала большая чашка крепкого сладкого чая, а вот остатки дорогущего виски закончили свою жизнь в раковине – судя по запаху, Петр просто вылил туда все, что оставалось в бутылке.

– Пей! – приказал Орлов, кивая на чашку.

Обхватив ее обеими руками, чтобы хоть так немного согреться, Гуров начал прихлебывать чай, избегая смотреть в сторону друзей.

– Что? Стыдно стало? – спросил Петр. – Да если бы я после каждого разноса, что мне начальство устраивает, горе водкой заливал, то давно уже лежал бы в психушке с белой горячкой или сдох от цирроза печени. А тебя, видишь ли, один раз против шерстки погладили, и ты скис! Причем не чужие погладили, а свои! И за дело, а не просто потому, что шлея под хвост попала! А ты слабаком оказался! Щенок! Слизняк! Да ты даже напиться не смог, как нормальный мужик! На истерику потянуло! Ты какого черта Маше позволил, насмерть ее перепугал, а потом на ее звонки отвечать не стал? Она и меня, и Стаса с постели подняла – подумала, что ты с пьяных глаз застрелиться решил!

Услышав это, Гуров вскинулся, но Петр успокоил его:

– Позвонил я ей уже, сказал, что все в порядке!

– Я не из-за твоего разноса! – буркнул Лев. – Просто понял, что сам не заметил, как в дерьмо превратился!

– Правильно понял! – безжалостно подтвердил Орлов.

– А напиваться я не собирался, только хотел, чтобы нервы отпустило – я же и ночью почти не спал, и потом весь день, как угорелый, носился. Просто не учел, что почти ничего не ел, вот меня и подкосило.

– Ты под свой нервный срыв теоретическую базу не подводи! – безжалостно заявил Петр. – Мог бы валерьянки выпить! Или пустырника! А тебя, видишь ли, на виски потянуло! Ладно бы просто водки нажрался, так тебе ведь и здесь выпендриться захотелось! Виски ему подавай! Сигареты американские! Даже в таком состоянии тебе нужно от всех отличиться!

Гуров мог бы ему сказать, что в собственном доме и в нерабочее время он может делать что хочет, но решил не обострять ситуацию еще больше. Орлов, видимо, и сам понял, что перегнул палку, и уже другим тоном сказал:

– Лева! Ты думаешь, я не знаю, почему ты напился? Знаю! В тебе совесть проснулась, которая уже много лет спала беспробудным сном. Посмотрел ты, не без нашей помощи, на себя со стороны и увидел, во что превратился. И стало тебе стыдно, противно и страшно! Будем надеяться, что ты эти чувства не забудешь, когда окончательно протрезвешь,

а сделаешь соответствующие выводы. А теперь я поеду домой, чтобы хоть немного поспать, а ты, Стас, оставайся его караулить – мало ли что ему с пьяных глаз в голову придет? И чтобы завтра в девять часов были у меня в кабинете!

Сказав это, Орлов хлопнул ладонью по столу, а когда поднял ее, там остался лежать небольшой листок бумаги, на котором крупными буквами было написано: «У нас ФСБ на хвосте! Работаем по варианту № 2». Прочитав это, Гуров мгновенно окончательно протрезвел, а вот Крячко, не удержавшись, воскликнул:

– Ни хрена себе! – но тут же нашелся и продолжил: – В девять часов! Дай хоть выспаться нормально! Вторую ночь на ногах!

– А вот за это друга своего закадычного благодари! – отрезал Орлов, забирая листок.

Уже переваривший неожиданную и очень неприятную новость Стас тут же начал, как обычно, балагурить:

– Ой, Петр! Ночевать у Левы? Ой, я даже не знаю, как быть! Я же его теперь боюсь – он у нас такой непредсказуемый оказался! Вдруг он ко мне приставать начнет?

Гуров, не выдержав, фыркнул, а Петр только махнул рукой:

– Да ну вас к черту! Сами разбирайтесь!

Генерал уехал. Друзья посмотрели друг на друга, но обсуждать новость не стали – вариант № 2 обозначал, что они под постоянным и неусыпным наблюдением, так что разго-

варивать даже в собственных квартирах и кабинетах, а также по своим телефонам было нельзя. Стас начал прибираться на кухне, а Лев смотрел на него и думал: «Господи, благодарю тебя за то, что ты послал мне таких друзей! Я бы без них пропал! И святую жену, которая меня столько лет терпит!» Крячко лег в зале на диване, а Гуров – в спальне. Он размышлял, чем же может быть вызван столь пристальный интерес ФСБ к их, в общем-то, скромным персонам, а потом решил, что утро вечера мудренее, и уснул.

Утром они чуть не проспали, так что собирались оба в авральном порядке. Но, как ни спешили, Стас заставил Льва сначала выпить две таблетки «Алко-Зельцера», хотя голова у того совсем не болела – все-таки виски был действительно качественным, потом чуть не силой зачихнул в него тарелку овсяной каши, из тех, что нужно просто кипятком залить, и заставил выпить крепкий сладкий чай. Времени, чтобы захватить домой и переодеться, у самого Стаса уже не оставалось, и Гуров выдал ему все нужное из своих вещей, но если нижнее белье и носки никто увидеть не мог, то рубашка была Крячко безобразно велика, но они оба постановили, что на один день сойдет. Гуров накануне потратился, так что полез в шкатулку за деньгами и решил взять побольше – расходы предстояли серьезные. Все утро они разговаривали на темы самые обыденные, но, выйдя из квартиры, лифт вызывать не стали, а пошли вниз пешком.

– Ты что-нибудь понимаешь? – шепотом спросил Стас.

– Пока ничего, потому что информации – ноль. Но, видимо, в этом деле есть какая-то мулечка, как выражается наш общий друг Марек, только мы еще не знаем, в чем она заключается.

Орлов встретил их как ни в чем не бывало, словно и не было никакого ночного разговора и разноса, а также шокирующих новостей. У него в кабинете почему-то мыли окна, так что они переместились в кабинет находившегося в отпуске коллеги. Но и там, прежде чем начать разговор, Лев достал из кармана, положил на стол и включил небольшое устройство, начисто исключавшее возможность их прослушать.

– Вовремя ты подсуетились, Петр! – одобрительно заметил он, имея в виду мытье окон.

– Жизнь заставит, жизнь научит, – буркнул в ответ тот. – Хорошо, что меня старый друг предупредил, хотя и он не знает, чем это вызвано.

– Ничего! Разберемся! – угрожающе заявил Гуров. – Значит, режим полного молчания. Новые сотовые с не засвеченными номерами я сегодня организую, и, пока эта история не закончится, по этому делу будем говорить только по ним. Но что же они в нем смогли углядеть, раз так засуетились?

– Ты же сам сказал: «разберемся», – произнес Стас. – И давайте приступим к делу, чтобы уж очень долго здесь не задерживаться. – Он начал рассказывать о том, что узнал, но подробности, которые он выяснил, ничего существенного к

тому, что уже знал Гуров, не добавили. – Господи! Я даже представить себе не могу, в каком аду все эти годы, каждый день жили Поповы! – в заключение проговорил Крячко. – Как же этот ублюдок их ненавидел! Он родителей, небось, еще и в том обвинял, что они его из-за границы в Россию привезли – может, он подумал, что там ему лучше было бы.

– Мог бы и уехать – он же по месту рождения иностранец, – пожал плечами Орлов. – Значит, сам не хотел!

– А, может, он здесь специально оставался, чтобы им жизнь отравлять? – предположил Стас.

– Да что мы теперь это обсуждаем? Правды все равно уже никогда не узнаем, – сказал Гуров. – Только для них, как и для любых родителей, это, с одной стороны, горе, что он погиб, но, с другой, в данном конкретном случае – освобождение.

– При Попове это не скажи! – вскинулся Крячко. – Ты ему и так наговорил много лишнего!

– Хватит уже мне соль на раны сыпать! – огрызнулся Лев. – Кстати, Петр, как ты думаешь, уж не он ли столь пристальный интерес к нам инициировал?

– А черт его знает? – ответил Орлов. – Он, конечно, человек уважаемый, но все же уже в отставке, так что вряд ли. Хотя...

– Бывших чекистов, как ты сам сказал, не бывает, – продолжил Гуров. – И давайте по делу!

– А что тут обсуждать? – пожал плечами Петр. – Все ты,

Лева, правильно понял – в клубе надо концы искать! Знать бы еще как!

– По ходу дела сориентируемся. Я для начала записи с камер посмотрю и с охранниками поговорю – они же первыми людей встречают, могли что-то необычное заметить, а Стас тем временем будет с работниками разговаривать и начнет он с тех, кто на работу после 25 мая устроился.

– Да поговорить-то несложно, – отмахнулся Крячко. – Только вот как этот гад сумел парней заставить с балкона сигануть?

– А я знаю? – удивился Лев. – Когда вычислим его, тогда и спросим.

– Лева, ты думаешь, за этой историей стоит Илья Григорьев, который за сестру мстит? – спросил Петр.

– А больше некому, если их самоубийство вообще как-то с этой историей связано! – уверенно заявил Гуров, но тут же поправился: – Или мы пока не знаем, кто еще заинтересован в том, чтобы наказать парней, потому что тут могло быть и что-то другое.

– Да что другое-то? – воскликнул Стас, но Лев в ответ лишь пожал плечами.

– Твою мать! – не сдержался Орлов. – По рукам и ногам связали. Будь иначе, я бы просто позвонил в Чеховский район и всего делов, а теперь?

– Я сам к нему попозже съезжу и поговорю. Он мне все выложит! И пусть только попробует крутить! – угрожающе

заявил Гуров.

Крячко и Гуров на своих машинах поехали в клуб к Нестору. Оставив автомобили на стоянке, они вышли, и Стас, не удержавшись, присвистнул – клуб был оцеплен. Нет, это был не ОМОН или еще кто-нибудь в масках и с автоматами. Это были просто мужики, которые как бы случайно оказались возле него, но опытный взгляд сразу отметил бы, что стояли они грамотно, перекрывая все подходы, а главное, выход. Друзья переглянулись и пошли к двери, но были тут же остановлены каким-то парнем:

– Клуб сегодня закрыт, по техническим причинам не работает.

– Ничего! Для нас откроют! – уверенно сказал Гуров.

Он хотел было обойти парня, но тот, не иначе как сдуру, решил его остановить и тут же оказался на земле. К Гурову и Крячко мгновенно бросились несколько человек, и не избежать бы хорошей драки, если бы один из подбежавших не остановил остальных:

– Ша, мужики! – и, обращаясь уже к Гурову, извиняющимся тоном произнес: – Вы уж простите их, Лев Иванович! Молодые! Неопытные! Жизнью не битые! Потому и вас не знают!

– Кажется, один из них уже битый, – усмехнулся Крячко.

– И вам здравствуйте, Станислав Васильевич! Не признал сразу, богатым будете!

– Эх, Зуб, твои слова да богу бы в уши! – притворно вздохнул Крячко и заметил: – Смотрю, золотую коронку больше не носишь, а ведь ты по ней свою кличку получил.

– Возраст уже не тот, чтобы выпендриваться, да и немодно это сейчас. Вот металлокерамику и поставил, – объяснил тот.

– Ну, и чего вы тут цирк устроили? – неодобрительно спросил Гуров.

– Шеф велел! Приказал следить, чтобы никто сбежать не мог, – объяснил Зуб.

– А ты по-прежнему у Старца? – продолжал спрашивать Стас.

– Так чего ж на старости лет хорошие привычки менять? – усмехнулся тот.

– Значит, как я понял, и Лапоть здесь? – поинтересовался Лев.

– Все собрались, только вас ждут, – подтвердил Зуб и предложил: – Пойдемте, я вас провожу!

Они пошли к клубу и услышали, как у них за спиной стали переговариваться остальные мужики:

– Так это и есть знаменитый Гуров? Тот, от которого еще никто не уходил?

– Он самый! Тот еще волчара! Не дай бог к нему в лапы попасть! Он до всего докопается и наизнанку вывернет!

– И как его не кончили до сих пор?

– Многие пытались, да обломались! Сами «прижмурились»!

– А еще я слышал, что он не берет!

– Точно! Не берет! И лишнего ни на кого не вешает.

– Странно! Такой честный, а еще служит!

Гуров сделал вид, что ничего не слышал, а вот Крячко, блеснув на друга хитрым взглядом, тихо сказал:

– Эх, если бы такое обо мне говорили, я бы, знаешь, как загордился?

– А в лоб? – хмуро спросил Лев.

– Младшенького завсегда обидеть легко, – тут же занял Стас.

Их вежливо провели в кабинет, где уже ждали Нестор и Старец с Лаптем. Поздоровавшись, Гуров спросил:

– Вы чего собрались?

– Наши ведь сыновья погибли, вот мы и решили поучаствовать, – объяснил Лапоть.

– Так не пойдет! Участвуйте в чем-нибудь другом, потому что вы нам только мешать будете. Помощь мне не нужна, а, если потребуется, я ее попрошу. И обсуждать это мы не будем! Все! – подвел черту Лев и спросил у Нестора: – Ты приготовил все, что я говорил?

– Да, – кивнул тот, протягивая ему несколько листков. – Тут все списки, график работы, а диски с камер – у охраны.

– Хорошо. У тебя управляющий есть?

– Я сам управляющий, – чем меньше людей в теме, тем лучше.

– Значит, ты всех клиентов знаешь? – уточнил Гуров.

– Конечно, тут случайных людей нет.

– Мы с тобой сейчас пойдем записи смотреть, и ты мне будешь рассказывать, кто есть кто, а охранники в случае чего дополнят. А Станислав Васильевич тем временем с людьми побеседует, и начнет он с тех, кто недавно устроился. Ты, Нестор, распорядись, чтобы их к нему по одному вызывали, а, если он на кого покажет, попрिдержали для беседы со мной.

– Понял, сейчас организую, – кивнул тот и вышел вместе со Стасом, которому Гуров отдал документы.

– А мы? – спросил Старец.

– Если вам больше нечего делать, то ждите, – развел руками Гуров. – Кстати, вы чего тут оборону вокруг клуба заняли? Или нападения ждете?

– Просто та сука, что наших детей убила, если жареным запахнет, сдернуть попытается, вот ее и тормознут! – объяснил Старец. – У служебного входа тоже ребятишки стоят, так что мышь не проскочит!

– Ну, бдите! – кивнул Лев.

Вернувшийся Нестор повел его в комнату охраны, но по дороге Лев остановился и, доставая деньги, сказал:

– Нестор! Пошли кого-нибудь из доверенных людей, пусть он купит три самых простых сотовых телефона с неавторизованными симками, а остальные деньги нужно положить в равных долях на их счета.

– Что-то случилось? – насторожился тот.

– Случилось, – кивнул Лев. – Но тебе это знать не обязательно. Меньше знаешь – крепче спишь!

– Никого посылать не буду – у меня такие здесь есть, – хмыкнул Нестор. – Запас, как известно, карман не трет. А человеку, чтобы он деньги на счета положил, я сейчас позвоню. По пять тысяч хватит? Ну, вот! А бумажник убери. Если я расклад правильно понял, тебе самому деньги еще пригодятся.

– Ладно! Но потом я тебе их все равно отдам, – настойчиво проговорил Гуров.

Отойдя в сторону, Нестор кому-то позвонил, а потом они вошли в комнату охраны. Прежде чем начать смотреть записи, Гуров достал из кармана противоподслушивающее устройство и, включив, положил на стол. Увидев это, Нестор выразительно присвистнул и сказал:

– Убери, Гуров! Здесь это без надобности – у меня своя техника есть, наиновейшая! В этом здании ни один сантиметр не просматривается и не прослушивается, – и удивленно спросил: – Во что же такое ты вляпался, раз все так серьезно? – а, встретив многозначительный взгляд Гурова, воскликнул: – И ты еще хотел обойтись без нашей помощи! И кто же у тебя на хвосте?

– А ты сам не догадываешься? – криво усмехнулся Лев.

Нестор ненадолго задумался, а потом покивал:

– Понял! Да-а-а! С ними нам дело еще иметь не приходилось! – однако особой озабоченности в его голосе не было. –

Но надо же когда-то начинать! Значит, полная боевая готовность?

– Заметим, не я это предложил, – процитировал Лев известный фильм.

– Наш выбор – наш и ответ будет в случае чего, – пожал плечами Нестор.

Они сели смотреть записи, а на тех все было нормально: люди подъезжали, заходили и парами, и поодиночке, потом уезжали. Насчет каждого из членов клуба и сам Нестор, и охранники давали пояснения. И чем дольше слушал их Гуров, тем больше удивлялся, потому что это были сплошь достойные, иногда даже довольно известные люди, в массе своей относительно молодого или среднего возраста, а поскольку уголовный мир столицы Гуров знал лучше, чем таблицу умножения, он видел, что они к нему никакого отношения не имеют, тем более что с некоторыми из членов клуба он даже сам лично был знаком. А вот то, что они приезжали не с женами, навело его на определенную мысль, и Лев, не выдержав, спросил напрямую:

– Нестор, как получилось, что ты сумел собрать здесь таких людей? Общий зал у тебя на первом этаже, а что на двух других? Казино? Дом свиданий?

– Какое это имеет отношение к делу? – окрысился тот. – Казино у меня нет! Я законы чту!

– Значит, в сумму членских взносов входит и плата за отдельную комнату для любовных утех. Бордель здесь у тебя!

– Ошибаешься, Гуров! – даже обиделся Нестор. – Это не бордель! Если член клуба, среди которых, между прочим, есть и женщины, приводит с собой свою знакомую или своего знакомого, с которыми ему нужно что-то обсудить наедине, то здесь он имеет такую возможность. Не с каждым можно в гостиницу пойти или в кабаке засветиться, а тут гарантирована полная безопасность. Проституток же у нас никогда не было и не будет! Со стороны сюда не попадешь!

– А видеозапись в этих комнатах случайно не ведется?

– Нет, Гуров! Я клиентурой дорожу! И хрен бы ты хоть одно лицо увидел, если бы меня нужда не приперла! – выразительно проговорил Нестор.

– Ладно! Проехали! В конце концов, я не полиция нравов. Давай смотреть дальше.

Но ничего интересного не происходило, все было, как и в предыдущие дни, пока Нестор вдруг не воскликнул:

– Стоп! А с какого это перепуга Матвеев вдруг с девкой пришел, тем более незнакомой! Я ее вообще первый раз вижу! – Он ткнул пальцем в экран монитора, показывая на эффектную черноглазую брюнетку.

– То есть Матвеев?.. – начал было Лев, но Нестор перебил его:

– Да, пидор он, причем пассивный! Ему девки без надобности! У него друг постоянный есть!

– Ваш выход, парни! – обратился Гуров к толпившимся у них за спиной охранникам. – Быстро вспоминайте, как это

было! Он вместе с ней подъехал? Она к нему на улице подошла? Около входа подкараулила?

– Так посмотреть надо, – ответил один из них. – У нас одна камера за стоянкой присматривает, сейчас найдем!

Они покопались в сейфе и, найдя диск с записью за тот день, вставили его в компьютер, прогоняя до нужного времени, а Нестор тем временем бушевал:

– Как же вы ее пропустить могли? Вы же знали, что он не по женской части? Откуда эта шалава взялась? На профессионалку вроде не похожа!

– Это скорее провинциалка, которая приехала покорять Москву, – предположил Лев.

– Матвеев сказал, что она с ним, – виноватым тоном объясняли парни.

Но вот на записи было найдено нужное место, и оказалось, что они приехали вдвоем, причем Матвеев девушке даже дверцу машины открыл.

– Мне это не нравится! – решительно заявил Гуров. – Не мог человек с устойчивой, пусть и нетрадиционной ориентацией заинтересоваться девицей настолько, чтобы потерять голову и притащить ее сюда. Здесь что-то нечисто!

– Ты говори, что делать надо! – напористо потребовал Нестор.

– Подожди! – остановил его Лев. – Давай посмотрим, как они уходили: вместе или по отдельности.

– Я и так могу сказать, что Матвеев уходил под утро, а

его друг, который позже подъехал, минут через пять после него, – сказал охранник.

– А она? – вскинулся Гуров.

– Не помню, – виновато ответил тот.

Лев, Нестор и охранники впились глазами в экран и действительно увидели, что Матвеев ушел один, мужчина, его друг, которого было видно со спины, – после него, а вот девица не выходила. Совсем!

– На служебном входе камера есть? – спросил Гуров.

– Конечно! – даже удивился Нестор. – Поставили после того, как один журналюга попытался через него в клуб попасть.

– Ищите диск! Будем смотреть, как она ушла, а пока пусть кто-нибудь распечатает мне несколько фотографий этой девицы, и на флешку сбросьте! – приказал Лев.

Все было сделано оперативно: фотография и распечатана, и на флешку сброшена, и диск найден, а потом просмотрен даже два раза, но... Через служебный вход эта девица тоже не выходила.

– Что за хрень? – оторопел Нестор. – Она, что же, получается, все еще здесь?

– Нужно опросить всех уборщиц – может, какое-то окно было открыто, и она через него ушла, – предположил Гуров. – Кроме того, нужно обыскать все помещения. Фотографию этой девицы показать всем, кто в тот день работал, – не может быть, чтобы незнакомого человека здесь не запом-

нили!

– Ни одну щель не пропустят! Сейчас здесь все и всех перетряхнут! – взревел Нестор и ненадолго вышел.

Гуров же сидел и думал: в цвет он вышел или «пустышку» тянет, и, когда хозяин вернулся, попросил его:

– А позвони-ка ты Матвееву и спроси, где он эту девицу подобрал.

Нестор тут же набрал номер и, облаяв секретаршу, которая попыталась сказать ему, что шеф занят, на чем свет стоит, достал все-таки того по телефону. Дальнейший разговор больше походил на скандал: Нестор орал, чтобы Матвеев немедленно ответил ему, откуда он взял ту бабу, с которой приходил позавчера, а тот в ответ визжал, что ни с какой бабой вообще не приходил. В конце концов, Гурову пришлось вмешаться и, отобрав у багрового от ярости Нестора телефон, предложить Матвееву приехать в клуб и посмотреть самому. Тот начал отказываться, говоря, что очень занят, но Нестор тут уже вырвал у Льва сотовый и заявил, что, если Матвеев не приедет сам, его силой привезут! И добился-таки своего – тот обещал немедленно приехать.

– Мне это не нравится все больше и больше, – задумчиво произнес Гуров и стал вслух рассуждать: – Это могла быть какая-нибудь журнашлюшка, которая проникла сюда в погоне за сенсацией. Заплатила Матвееву, и тот ее провел.

– Даже не думай! – отмахнулся Нестор. – У него свой салон, к нему запись за полгода! У него самого денег куры не

ключают!

– Чего же он тогда здесь скрывается? – удивился Лев.

– Так он под нормального косит, даже женился для вида!

И ребенка родил!

– Значит, не проходит! Тогда она взяла его на жалость. уговорила провести ее сюда, чтобы здесь она могла с кем-то познакомиться.

– Гуров! – почти простонал Нестор. – Он стилист с мировым именем! Он рядом с такой даже рядом не встал бы! А тем более не стал бы позориться и сюда приводить!

– Но ведь привез! – возразил ему Лев.

В ожидании Матвеева они стали смотреть запись дальше, но больше ничего необычного там не оказалось.

– Так, теперь давай по тем клиентам, которые здесь после 25 мая появились, – попросил Гуров.

Их было всего четверо, причем все люди не только солидные и состоятельные, но и попали в клуб по рекомендации его давних членов, так что никакого отношения к трагической гибели парней иметь явно не могли, тем более что двое из них в тот день в клубе вообще отсутствовали.

Приехавший наконец Матвеев вид имел самый растерянный и никак не мог понять, какого черта его выдернули с работы, если он никакую девицу в глаза не видел. Но, посмотрев запись, растерялся еще больше!

– Я вам клянусь, что я ничего не помню! – чуть не рыдал он. – Я с женщинами вообще вне работы дела не имею! Тем

более с такими! Да на нее же смотреть противно! Что волосы, что макияж – сплошной кошмар!

– Тем не менее, вы с ней вместе приехали! – настаивал Лев. – Вы же видели запись с камеры!

– А это не может быть монтаж? – с надеждой спросил Матвеев.

Тут он получил в ответ от Нестора такую матерную тираду, что чуть в обморок не упал.

– Подожди! – цыкнул на того Лев и обратился к несчастному стилисту: – Давайте вместе вспоминать тот день! Что вы делали? – Но Матвеев только икал и не мог выговорить ни слова. – Хорошо! Тогда я начну! Вот вы утром приехали в салон, так? – Тот кивнул. – Вы сами были за рулем? – Матвеев отрицательно помотал головой. – То есть у вас есть водитель?

– И охранник у него есть, – добавил Нестор.

– Очень хорошо! – продолжил Лев. – Вы помните все, что там делали? Кто был в тот день вашими клиентами, с кем вы по телефону разговаривали? Где обедали?

– Домой ездил, – проямлил наконец Матвеев.

– А потом вернулись в салон, так?

– Да, у меня были еще три клиентки, очень капризные.

– Но у вас с ними конфликтов не было? Они ушли довольные? – допытывался Гуров.

– У меня по-другому не бывает, – даже обиделся стилист.

– А затем вы решили поехать в клуб? Так дело было?

– Нет, мы в этот день всегда вечер здесь проводим, – ответил Матвеев.

– Да, это так! – подтвердил Нестор. – Понедельник, среда и пятница – их дни, ни разу не пропустили. Давай уж я тебе сам все объясню, а то вы до вечера провозитесь! Он сюда в целях конспирации не на своей обычной, а на такой неброской машине сам приезжает, без водителя и охранника.

– Понятно, – кивнул Гуров. – Скажите, господин Матвеев, может, по дороге сюда вы где-то останавливались, чтобы, например, в магазин зайти? Или вас кто-нибудь попросил подвезти ее? А не произошло ли с вами что-нибудь необычное? – Тот в ответ на эти вопросы только качал головой. – Тогда расскажите, какой дорогой вы ехали?

– Да своей обычной, как всегда, – ответил Матвеев. – По вечерам пробки, так я наловчился переулками и проходными дворами сюда добираться.

– Вот и опишите мне свой маршрут, – попросил Лев.

Тот начал подробно рассказывать и вдруг замолчал.

– Что с вами? – спросил Гуров и напомнил: – Итак, вы ехали по Южинскому переулку, что дальше?

– Не помню, – растерянно пролепетал Матвеев.

– Но это же ваша постоянная дорога, – удивился Лев. – Как же вы могли забыть?

– Не помню, – чуть не плакал стилист.

– Спокойно, господин Матвеев! Спокойно! А что вы из того дня еще помните?

– Помню, как Павлика увидел, ну а потом...

– Господин Матвеев! – мягко произнес Гуров. – Успокойтесь! Произошло нечто, чего мы пока до конца понять не можем, но это вещь очень нехорошая. И, чтобы до конца разобраться в том, что случилось, нам нужна ваша помощь.

И тут он осекся! Будь все по-старому, он бы сейчас позвонил Орлову, тот прислал бы эвакуатор, машину забрали бы к криминалистам, а уж те изучили бы ее до последнего винтика и нашли следы этой девицы. А сейчас? Нет, снять отпечатки пальцев Лев мог и сам, но что дальше? Увидев, что Гуров в явном замешательстве, Нестор вызвал его в коридор и напрямую спросил:

– Что случилось? Ты чего застыл, как памятник самому себе?

– Понимаешь, машину надо обследовать на возможные следы пребывания там этой девицы, а к нам ее везти нельзя! Сам понимаешь почему. Вот и думаю, что делать, – объяснил Лев.

– Ты меня, Гуров, больше так не пугай! – помотал головой Нестор. – Всего делов-то! Я сейчас людям позвоню, они приедут и изучат эту тачку, как под микроскопом! – и в ответ на удивленный взгляд Льва объяснил: – За деньги и черти пляшут! Будет тебе даже официальное заключение обо всем, что там найдут.

– Но там нужно взять анализы на потожировые... – начал было Гуров, но Нестор перебил его:

– Ты Багра помнишь?

– Да, он под Мельником ходил, а когда того застрелил, сам группировку возглавил. Потом сел, а вот что с ним потом стало, не знаю, – ответил Лев.

– У него сейчас частное сыскное, и специалисты работают такие, каких и у вас нет! – усмехнулся Нестор.

– Кто же ему разрешил агентство открыть? – удивился Гуров.

– Оно не на него записано, а на одного отставника. Не откажет мне Багор по старой памяти! Да и тебе тоже!

– За что же он мне так благодарен? За то, что я его посадил? – усмехнулся Лев.

– За то, что по-честному с ним обошелся и чужого не навесил, – поправил его Нестор, доставая телефон.

Он быстро договорился со своим знакомым, и они вернулись в комнату, где Лев снова обратился к Матвееву:

– Вы не могли бы предоставить в наше распоряжение на некоторое время ту машину, на которой сюда приехали? Она потом будет вам возвращена в целости и сохранности, но специалистам надо ее осмотреть.

– Да, конечно! – Насмерть перепуганный стилист и не думал возражать. – Я же на ней сюда приехал, так что можете ее забирать. Вот ключи и документы на всякий случай. – Он достал из борсетки и то и другое и положил на стол. – Только как же я обратно вернусь?

– Спасибо вам большое! И ни о чем не беспокойтесь! Вас

обязательно отвезут на работу! – Гуров посмотрел на Нестора, и тот кивнул:

– Понял! Сейчас распоряжусь!

Он вместе с Матвеевым вышли из комнаты, а Лев сказал охранникам:

– А ну-ка, найдите мне, когда этот Павел пришел!

Парни быстро промотали запись, и один из них показал на экран:

– Вот! Это Павел! Он пришел в 22.15.

Гуров внимательно посмотрел на этого человека и с трудом удержался от возгласа удивления – лично он его не знал, но слышал, что тот хороший семьянин и заботливый отец, а у него, оказывается, нетрадиционная ориентация. И Лев понял, почему они так скрываются. Забрав фотографии и флешку, он поднялся:

– У меня здесь пока все, но записи далеко не убирайте – мало ли что?

Выйдя в коридор, сразу столкнулся с Нестором и предложил:

– Пошли к тебе, работа для людей Лаптя и Старца нашлась.

В кабинете Лев отдал им по фотографии и сказал:

– Значит, так! Отберите из своих людей самых толковых. Они должны будут поехать в Южинский переулок...

– Мы уже в теме! – кивнул ему Старец.

Гуров неодобрительно посмотрел на Нестора, который

только развел руками, словно хотел сказать: «А ты что хотел? Мы все в этом заинтересованы!»

– Ладно! – махнул рукой Лев и стал объяснять: – Там, начиная прямо от Сытинского переулка до улицы Остужева, они должны будут найти все до единой камеры наружного наблюдения, где бы те ни были установлены. Я не знаю, есть там гаишная или нет – не интересовался, но даже если есть, пусть забудут о ее существовании.

– Почему? – удивился Старец. – У нас в ГАИ свои люди есть, мигом запись найдут!

– Нет, я не хочу рисковать! – покачал головой Лев. – Сейчас от вас до меня полшага. Если вам нужна правда, делайте только то, что я скажу!

– Гуров! Похоже, ты в «автономке», – заметил Лапоть, когда-то служивший на подлодке.

– Так карта легла, – сухо ответил тот.

– Поняли, больше вопросов не будет! – переглянувшись с остальными, заверил его Старец, и Гуров продолжил:

– Пусть делают что хотят, хоть извернутся, хоть наизнанку вывернутся, но они обязаны собрать все записи за тот день и привезти мне сюда! – подчеркнул он. – Если же там, паче чаяния, камер не окажется, пусть поговорят со всеми, с кем только возможно, но выяснят, что произошло. Раз уж вы все знаете, то должны понимать: если Матвееву именно там память отшибло, то это не просто так. Он этой дорогой три раза в неделю ездит, для заинтересованного человека это выяс-

нить нетрудно. Вот и думаю я – не там ли она его поджидала?

– И что нам это даст? – спросил Старец.

– Многое! Откуда пришла или подъехала! Одна или с кем-то! Разговаривала с кем-нибудь или нет! Если мы хоть что-то о ней узнаем, то и отследить ее будет легче! Ясно?

Старец кивнул, а Лапоть напомнил Льву:

– Ну, вот! Ты говорил, что мы помочь не сможем, а мы пригодились!

Они вышли, а Гуров сел и устало потянулся всем телом – оно затекло от долгого сидения перед компьютером.

– Может, покушаешь чего? – предложил Нестор.

– Все потом, – отмахнулся Лев. – Скажи лучше, что поиски дали и что с фотографией.

– Уборщиц допросили, и они все Христом богом клянутся, что ни одно окно открыто не было, в комнатах они убрались, но тоже ничего необычного не заметили. Клуб обыскали снизу доверху, и мои ребята уверенно заявили, что она не то что сейчас здесь не прячется, но даже и не пряталась никогда – а искать они умеют! – с некоторой долей растерянности ответил Нестор.

– Она что, привидение? В воздухе растворилась? – разозлился Гуров.

– Кем хочешь, тем ее и считай! – развел тот руками. – Уж если она Матвееву смогла так мозги запудрить, что он все начисто забыл, то я уж и не знаю, кто она!

– А что по фотографии? Кто-то ее в зале видел?

– Официантки видели и бармен тоже. Их всех в одну комнату согнали, и они теперь сидят и тебя ждут.

– А ты говоришь «кушать»! – резко поднялся Лев. – Тут только успевай поворачиваться! Куда ты их посадил?

– Да на втором этаже, в одном из кабинетов. Пошли, покажу!

Они по внутренней лестнице направились наверх, и Гуров по дороге спросил:

– Как дела у Крячко?

– Он там из людей душу вынимает, – хмыкнул Нестор. – Они от него выходят кто – словно из парной, а другие – ничего, даже улыбаются, но пока никого не задержал.

– Да, он с людьми разговаривать умеет, – рассмеялся Лев.

– Кстати, он, между прочим, бутербродиков перехватил!

– Стас такой! Своего не упустит! Бутерброды-то, небось, с икрой были?

– А мне для хорошего человека ничего не жалко! – развел руками Нестор.

Он открыл перед Львом дверь, и тот в удивлении даже застыл – ожидал увидеть гнездышко для любовных утех, а оказался в самом настоящем кабинете, обставленном дорого и со вкусом, правда, окон там не было.

– Я тебя предупреждал, что у меня бывают люди, которым надо наедине деловые вопросы обсудить, – в ответ на его удивленный взгляд напомнил Нестор. – А тут говори – не хочу! Никакой прослушки, никаких видеокамер! – и об-

ратился к своим подчиненным: – Чтобы Льву Ивановичу все рассказали как на духу! А то вы меня не знаете!

Гуров сел в торец стола для переговоров и предложил настороженно смотревшим на него людям:

– Садитесь сюда и давайте вместе вспоминать!

Те осторожно присели на стулья, а Нестор опустился в одно из кресел и, по своему обыкновению, тут же закурил.

– Так, я знаю, что она вошла в здание клуба в 21.37. Пошли дальше. Кто в тот день встречал гостей? Она вошла в зал вместе с господином Матвеевым или одна? Они были вместе или сразу разошлись в разные стороны? Если сели за один столик, то что заказывали? Если сели на один из диванов, что вдоль стен стоят, то на какой именно? Знакомый господина Матвеева пришел в 22.15, и они, как я понял, тут же ушли. Меня интересует все, что эта девушка делала в клубе. Кто начнет?

– Я, – ответила одна из девушек. – Это я в тот день встречала гостей. Господин Матвеев вошел в зал один. Он, как обычно, заказал себе безалкогольный коктейль – он вообще не пьет – и сел на свое любимое место. У него, видимо, случилось что-то, потому что он обычно всегда такой улыбчивый, обаятельный, а в тот день сидел как потерянный, даже про коктейль забыл. Оживился только, когда своего знакомого увидел, и они действительно ушли из зала. А девушку эту я увидела, ну, минут через пять после того, как господин Матвеев в зал прошел, – наверное, в дамской комнате

была. Но она к нему даже не подходила. Я еще очень удивилась, как ее сюда пустить могли, потому что у нас таких не бывает! Нет, она очень красивая, такая смуглая черноглазая брюнетка, и макияж в меру, и одета неплохо – видно, что вещи фирменные и дорогие, но не этого сезона, и даже не прошлого, – подчеркнула она. – Но раз ее охрана пропустила, я уже ничего не могла сделать. Подошла к ней и спросила, чем могу помочь, а она мне тихо ответила, что осмотрится и решит. Наверное, сама поняла, что она тут не к месту. Я и отошла. Потом я видела, как она себе в баре бокал сока взяла и ушла с ним на диван, села там, сумку – довольно большую, а не клатч, с каким обычно дамы приходят, – рядом собой положила, и все. Она ни с кем даже заговорить не пыталась, чего я боялась. Хотя, в общем-то, и народу в зале было еще немного. Да и те мужчины, что уже пришли, или своих знакомых ждали, или не одни были. Позже обычно бывают гости, которые просто отдохнуть сюда приходят, может, кто-нибудь ею и заинтересовался бы, но она до этого куда-то делась. Сначала я в ее сторону посматривала, и она сидела спокойно, а потом исчезла, я даже не заметила, как и куда.

– Скажите, вот вы каждый день видите много людей и, наверное, уже научились хорошо в них разбираться. Как бы вы ее охарактеризовали?

– Не знаю, – пожала плечами девушка. – Я вообще не поняла, зачем она приходила. Сначала у меня мелькнула мысль, что она кого-то выслеживает, а у нее в сумке видео-

камера, но она ее даже не поставила, а просто положила, и дно у нее было обычное.

– Ну, а вы что скажете? – обратился Гуров к единственному парню. – Я так понял, что вы бармен?

– Да, – кивнул тот. – Девушка явно знала лучшие времена, а потом у нее что-то случилось. Понимаете, я привык на руки внимание обращать. Так вот, у нее на пальце был о-о-очень хороший бриллиантик, никак не меньше двух каратов, маникюр свежий, дорогой, но сами руки не ухоженные, если вы понимаете, что я имею в виду.

– Я понял, – кивнул Лев.

– Сумка у нее от «Гуччи», фирма, отвечаю! – продолжал бармен. – Кошелек – змеиная кожа! Я это видел, когда она за сок платила, и не три копейки там лежало. Но все уже ненормальное, как и прикид, а он у нее очень не дешевый. Я так думаю, что она была или чьей-то женой, или любовницей, тогда-то ей это все и перепало, а потом жизнь резко поменялась. До того чтобы вещи продавать, она не дошла, но вот работать ей пришлось пойти, и на прежний образ жизни денег уже не хватает. Может, она привыкла раньше по ночным клубам тусить, но только туда, где раньше бывала, она почему-то пойти не могла, а развлечься хотелось. Вот она сюда и пришла, но почувствовала себя неудобно или просто поняла, что не туда попала. Неуверенность в ней какая-то была, скованность.

– Все может быть, – пожал плечами Лев.

– Вот и я это хотела сказать, только нужное слово не по-

добрала, – вставила первая девушка. – Скванная она была.

– Я видела, как она из дамской комнаты выходила – это было вскоре после того, как господин Матвеев приехал, – вступила в разговор другая девушка. – И вот уж чего я в ней не заметила, так это неуверенности. Поверьте моему слову – та еще штучка! Она мимо меня прошла, словно королева проплыла!

– А я просто видела, как она из зала выходила, – сказала третья, последняя девушка. – Я как раз Жене и его друзьям горячее принесла, а грязную посуду собрала и с подносом уходила. Она со своего места поднялась и к двери направилась, а по дороге на меня посмотрела. И, знаете, она мне очень несчастной показалась – у нее такое лицо было, словно болит что-то, причем так сильно, что она вот-вот заплачет! Я пустой стакан из-под сока, что после нее остался, тоже забрала и из зала через служебные двери вышла.

– Может, она поняла, что зря время потеряла и потратилась, вот и расстроилась до слез, – предположил бармен.

– Во сколько она ушла? – поинтересовался Лев.

– Где-то без пяти десять было, – подумав, ответила девушка.

– Это все? – спросил у них Гуров, и те, переглянувшись, кивнули. – Тогда пошли в зал, и вы мне покажете, где она сидела, и все остальное.

Нестор за все это время не проронил ни слова, а только временами поглядывал на Льва, пытаясь понять, есть ли толк

от этих разговоров или нет.

В зале еще было довольно много работников клуба, с которыми Крячко не успел побеседовать, так что пришлось проводить некое подобие следственного эксперимента в их присутствии. Гурову показали то место, где сидела незнакомка. Он опустился на него и начал смотреть по сторонам, пытаясь понять, почему она села именно там. А когда понял, настроение у него сразу стало хуже некуда – оттуда зал практически не просматривался, соответственно, и она тоже, но зато очень хорошо был виден только один столик – тот, на котором сейчас стояли цветы и за которым еще совсем недавно гуляли четыре ныне покойных парня. Он встал, пошел к двери и обернулся на столик – да нет, не на официантку с подносом смотрела незнакомка! Она смотрела на парней!

В одну кучку всю информацию Лев собрал и даже вроде бы логическую цепочку выстроил, только она никуда не велла! Ну, сидела она! Ну, смотрела на парней, а потом ушла! Правда, пока непонятно как! И что дальше? Матвеев с ней вошел в клуб в 21.37, она вошла в зал через пять минут после него, предположим, в 21.42 и вышла оттуда, допустим, в 21.55. Что можно сделать за тринадцать минут, если учесть, что она еще подходила к бару, расплачивалась там, шла к дивану? Пусть даже пять минут она на это потратила, хотя на самом деле, конечно, больше, но и в этом случае остается только восемь. Она восемь минут смотрела на парней, а те через несколько часов прыгнули с балкона? Да его с такой

версией засмеют все, кому ни лень! Это же бред! Хотя... Если вспомнить Матвеева, то не такой уж и бред.

Кто же эта девушка? Найти ее будет очень трудно, а доказать ее вину, если она действительно виновна, вообще нереально. Она вполне может сказать, что является родственницей или подругой Юлии Григорьевой и приходила просто посмотреть на тех, кто ту погубил. Но тут возникал другой вопрос: кем бы она ни была, виновна в чем-то или нет, она от кого-то точно знала не только маршрут Матвеева, но и то, что VIP-столик просматривается только с одного-единственного места. А самое главное, что в тот вечер все четверо впервые после той трагической ночи соберутся вместе. И это могло означать только одно – в клубе у нее был сообщник. И недавно устроившиеся на работу люди, как и новые клиенты, в этом случае совсем ни при чем! Это мог быть кто-то из обиженных Нестором подчиненных, который разболтал все своей новой знакомой, даже, может быть, не предполагая, к чему это приведет. А уж в том, что очень многие из работников клуба тихо ненавидят своего хозяина, Гуров, учитывая характер Нестора, ни капли не сомневался. Этот сообщник, вероятно, и вывел ее как-то на улицу. Странно, почему она не захотела нормально пройти мимо охраны? Боялась, что ее задержат? Но за что? Зачем потребовалось уходить тайком? При чем совершенно непонятно, каким образом. И кто этот сообщник? Скорее всего, мужчина, потому что такой эффектной девушке проще задурить парню голову, чем

договорить с женщиной. Хотя, судя по Матвееву, она могла бы договориться даже с чертом! Ничего! Крячко поговорит с людьми, выяснит, кто чем дышит, а это он умеет, тогда и можно будет делать какие-нибудь предположения. Но почему ее нет на записях?

И тут Гурова осенило – у нее же была довольно большая сумка! Он быстро нашел взглядом ту девушку, что первой рассказала ему о незнакомке, и бросился к ней так стремительно, что она перепугалась насмерть и застыла на месте.

– Ее сумка была пустой или чем-то наполненной? – быстро спросил Лев.

От неожиданности та замерла, потом начала вспоминать и наконец ответила:

– Не набита, конечно, но что-то объемное там было.

– Где бармен? – воскликнул Гуров, и парень тут же подбежал к нему. – Она при тебе сумку открывала, что там лежало?

– Так я же только мельком глянул. – Бармен задумался, а потом сказал: – Похоже на то, что там упаковка от колготок лежала.

«Так, вот зачем она в дамскую комнату заходила, – понял Гуров, возвращаясь к столу. – Колготки надеть! Хотя нет! Не одеть, а переодеть! Но ни одна нормальная женщина не будет в августе по улице в колготках ходить, если только не собирается на светское мероприятие, куда с голыми ногами не пускают! А раз она взяла с собой запасные, то знала, что

те, которые на ней, могут порваться. Что же могло произойти там, в Южинском переулке? Она, предположим, якобы попала под колеса машины Матвеева, тогда ее колготки и порвались! Стилист, естественно, вышел, чтобы посмотреть, что с ней, ну, а дальше и так понятно! Как же она все заранее распланировала! – не без восхищения подумал он. – И я на сто процентов уверен, что рваные колготки, как и упаковку от новых, она в мусор не выбросила, потому что это след! Это отпечатки! Это потожировые! Но проверить надо!»

– Нестор! Где уборщицы?

– Какая смена? – уточнил тот.

– Та, которая убиралась после позавчерашнего вечера, который плавно перетек в утро вчерашнего дня, – объяснил Гуров.

– Сейчас будут! – пообещал Нестор.

Буквально через несколько минут перед Львом уже стояли пять женщин и, не скрывая страха, смотрели на него, да и все остальные в зале выглядели не менее испуганными или, по крайней мере, озабоченными.

– Успокойтесь! – попросил он уборщиц. – У меня к вам очень простые вопросы. Кто из вас убирается в дамской комнате на первом этаже?

– Я, – тихо ответила пожилая женщина. – Там контейнеры стоят. Я каждый час туда захожу и пакеты в них меняю на новые, чистые.

– Вы поняли, какое время меня интересует? – спросил

Лев, и она кивнула. – Вот и скажите мне, что необычного вы тогда нашли в мусорных пакетах. Об использованных прокладках можете не говорить.

Она добросовестно перечислила все, что там было, но в основном это оказались: туалетная бумага, бумажные полотенца и носовые платки. Рваных колготок, как и упаковки от новых, там не было – Гуров оказался прав.

Отпустив женщин, он уставился на цветы и принялся размышлять дальше: «И в машине Матвеева, я уверен, мы ее пальчиков не найдем – он же ей дверцу открывал, когда они сюда приехали, значит, наверняка и там, на улице, вел себя так же, тем более что, если я прав, виноватым себя чувствовал. Что же у нас получается? А то, что, если человек так старательно за собой хвосты подчищает, а новых следов старается не оставлять, тут уже явный умысел! Значит, правильно я вчера понял: она пришла сюда, чтобы всех одним махом уничтожить, потому что просто посмотреть на них она и по отдельности могла. Как она это сделала – вопрос открытый, тут еще голову ломать и ломать! Но вот как она ушла? Что еще могла подготовить наша запасливая незнакомка? А не переделалась ли она? Мог у нее быть в сумке свернутый плащ, например? Какой-нибудь легкий, чтобы много места не занимал? Надела она его и вышла! Или это мог быть...»

Тут Гуров не выдержал и застонал! Кретин! Идиот! Пить надо меньше! Если бы он вчера не нажрался, как свинья, то сразу бы сообразил. Оттолкнув бросившегося к нему встре-

воженного Нестора, Лев побежал... именно побежал в комнату охраны. Он влетел туда, и парни аж вздрогнули от неожиданности.

– Где записи со служебного входа, что были сделаны позавчера? – выкрикнул он и чуть не упал – это на него сзади налетел спешивший следом Нестор.

Те суетливо заметались под бешеным взглядом Льва, начали искать диски, хотя он и просил их далеко не убирать, нашли их прямо у себя под носом и вставили в компьютер.

– Перемотайте на полдесятого вечера! – приказал он, садясь к столу, а потом, показывая на каждого выходявшего и входившего человека, стал спрашивать, кто это.

Тут-то и оказалось, что вышло на одного человека больше, чем вернулось. Это была женщина, и, судя по одежде, специальному халату с шапочкой, резиновым перчаткам и тапочкам, уборщица, которая вынесла в стоявший за воротами мусорный контейнер большой пластиковый пакет, но вот обратно она не вернулась! А поскольку на записи она запечатлелась со спины, то понять, кто это, оказалось невозможно. Да вот только, кроме этой девицы, сбегать потихоньку из клуба было больше некому.

– Вот тебе и ответ, как она ушла и зачем ей потребовалась большая сумка, – устало проговорил Гуров. – У нее все это было с собой, она надела поверх своего платья халат, на голову – шапочку, на руки – перчатки, сменила свои туфли на тапочки и была такова! Скажи кому-нибудь, чтобы провери-

ли на всякий случай, все ли халаты и прочие причиндалы на месте. Хотя я уверен, что она все принесла с собой, благокупить это в магазине спецодежды – не проблема.

– Если бы чего-то не досчитались, мне бы уже доложили, – хмуро бросил Нестор.

– Как знаешь, – пожал плечами Лев. – И дай, наконец, поесть, а то живот подводит.

– Давно пора, пошли в кабинет, заодно и потолкуем, – предложил тот.

Нестор по дороге распорядился, чтобы им принесли поесть, и, когда они вошли в кабинет, оказалось, что там уже никого нет.

– Лапоть со Старцем вместе со своими ребятишками уехали, – объяснил он. – Невыносимо это: сидеть, ждать и знать, что от тебя ничего не зависит. Я-то хоть при деле: тебе помогаю, а они? – Гуров в ответ промолчал, и он продолжил: – Знаю, что ты мне можешь сказать! Что, мол, непутевых сыновей мы вырастили! А я с тобой даже спорить не буду. Только ты не отец, тебе нас не понять! Вот поставь на одну чашу весов своего сына, а на другую – весь мир, и сын перевесит!

– Ты хорошо держишься, – заметил Лев. – Да и они тоже.

– Мы такую жизнь прожили, что это не удивительно, – криво усмехнулся тот.

Официантка принесла блюдо с бутербродами, два больших чайника с чаем и вышла.

– Кухня сегодня не работает, так что придется этим обойтись, – объяснил Нестор.

Они сидели, молча пили чай, закусывая бутербродами, но хозяин наконец не выдержал:

– Гуров! Чего молчишь? Скажи, что надумал!

– Пока подожду, а то при твоём буйном характере это будет иметь непредсказуемые последствия, – ответил Лев.

– И давно ты стал меня за дурака держать? – тихонько рассмеялся Нестор. – Я ведь за тобой очень внимательно наблюдал, думаешь, сам не понял, что у меня крыса завелась? Уж очень хорошо эта девка все знала! Здесь ее точно никогда не было – зуб даю! Значит, кто-то ей все очень подробно рассказал! Только вот кто?

– А вот с этим придется подождать, пока Крячко с людьми не поговорит. Но, судя по тому что к тебе охранники не прибежали и не сказали, что он кого-то заподозрил, с этим пока глухо. Лучше скажи мне, кто из твоих работников тебя больше всего не любит?

– А я не доллар, чтобы меня все любили, – усмехнулся Нестор. – Те же бармены от меня не раз огребали за то, что с напитками мухлевали, пока не поумнели. Да и со всеми остальными я сначала довольно жестко обращался, чтобы раз и навсегда усвоили, где работают и как себя здесь вести надо. А теперь уже ничего, они и место свое знают, и то, что язык нужно на привязи держать, чтобы не потерять вместе с головой. Так что люди у меня за работу держатся: плачу я

неплохо, девкам под юбки не лезу, чаевые не отбираю. Ты, главное, работай как следует, а уж я не обижу.

– Но кто-то обиженный все-таки нашелся, раз на откровенность потянуло, – возразил ему Гуров. – Или заплатили ему неслабо.

– Если ниточка от Григорьева тянется, то ему платить нечем, а больше наши парни не сотворили ничего такого, за что им, всем четверым, мстить могли бы.

– Ну, я к нему сам съезжу и поговорю, – пообещал Лев.

– Да нет его там, – буркнул Нестор.

– Та-а-ак! – протянул Гуров. – Ты, значит, у него уже побывал! Ну, и какого черта ты к Григорьеву поперся? Что, кулаки чесались? Никак прежние времена забыть не можешь? Ну, и разбирался бы сам! Может, мне вообще домой пойти?

– Гуров! Ты пойми! Ну, выиграло! – оправдывался Нестор. – Когда наши дети погибли, я сразу же слова Ильи вспомнил, вот и рванули мы все к нему, а его и след простыл. Мать его молчит, как немая! Мы ей и грозили, и деньги предлагали – все без толку!

– Чтобы мать своего сына за деньги предала? – воскликнул Лев. – Нет, вы точно с ума сошли! И давай впредь без самодетельности, а то ведь я и плюнуть могу! – предупредил он и велел: – Позвони своим, вдруг они уже что-то нашли? Пусть тогда сюда быстренько привезут и ищут себе дальше.

Нестор позвонил Лаптю и передал слова Льва, но, выслушав ответ, по-черному выматерился и, взмахнув руками от

избытка чувств, выразительно сказал Гурову:

– А вот хрен нам всем! Пока только одна запись нашлась с камеры на аптеке. Ребятам ее не отдали, хотя они и обещали неслабо «забашлять», но посмотреть разрешили. Так вот, эта сука в переулок из подворотни вышла, а двор-то проходной! Причем выходов из него – и через сквозные подъезды, и между домами на улицы и в переулки, это же центр! Старая Москва! Там сам черт ногу сломит! Вот они сейчас там, как ищейки, и рыщут, чтобы хоть какие-то концы найти! А еще продавщица одна в окно видела, как девка эта чуть под машину не попала. Сбить ее не сбило, но толкнуло, и она упала. Водитель тут же затормозил, выскочил и к ней бросился, а потом они вместе с машину сели, причем он ее еще под локоток поддерживал...

– И дверцу перед ней открыл, – закончил Лев.

– А ты откуда знаешь?

– Да какая теперь разница? – отмахнулся Гуров. – Просто убедился, что в очередной раз прав оказался. Ну и стерва! Вроде молодая девчонка, а на несколько ходов все просчитала! Но я тебе так скажу: если она профи такого уровня, то ее услуги стоят столько, что Григорьеву, хоть до трусов он распродайся, не набрать!

– Да уж понял! – хмуро откликнулся хозяин. – Но кто же, кроме него, за сестру мстить может? У них ведь только мать одна, а ее даже спяну за девчонку молоденькую не примешь!

– Нестор! Успокойся, сосредоточься и очень хорошо по-

думай: ты точно эту девушку никогда раньше не видел? Ей на вид немного за двадцать, может, в девяностые ты со своими дружками ее родных чем-то обидел? Вы ведь могли! А теперь она выросла и решила отомстить!

Нестор посмурнел и тяжело задумался – таких врагов у него и у Лаптя со Старцем пруд пруди! Но он быстро нашелся:

– А Юрка Попов тут тогда при чем? Уж его-то папаша к нашим делам никаким боком! А ты сам говорил, что она специально подгадала так, чтобы всех одним разом!

– А если я ошибся, и это случайно вышло?

– Гуров! – укоризненно воскликнул Нестор. – Да когда же ты ошибался? Ты же дедка-угадка! Это все знают! На три метра под землю видишь!

– Но вы все равно повспоминайте, – настойчиво повторил Лев и поинтересовался: – Эксперты машину осмотрели?

– А как же? Мы ее на территорию двора загнали, чтобы внимания не привлекать, и они ее всю облазили. На, читай! – Нестор протянул ему заполненный бланк. – Как я тебе и говорил – все чин-чином! Даже печать можно поставить, если надо! У них передвижная лаборатория со всем необходимым есть, так что долго возиться не пришлось.

Лев прочитал и вздохнул:

– Ну и стерва! Представляешь, женских потожировых в машине вообще нет, что, учитывая ориентацию Матвеева, не удивительно, а черный волос, что на спинке переднего пас-

сажирского сиденья, – из парика. И бампер девственно непорочен! А ведь если бы он ее машиной толкнул, то пыль и грязь на этом месте стерлись бы! Значит, он до нее даже не дотронулся, она сама все точно рассчитала и упала! Вот и думай после этого, кому вы или ваши парни так дорогу перешли, что он такого суперпуперпрофи нанял! – Нестор в ответ только растерянно развел руками. – А Старец с Лаптем что говорят? Как там их поиски?

– А никак! – раздраженно ответил тот. – Все там облазили, и без толку! Не видел ее никто!

– Ты говорил, там проходные подъезды? Так она могла в халате и с пластиковым пакетом в руке войти в дом с одной стороны, там его скинуть, достать из пакета сумку, убрать туда халат и пакет и выйти уже в другом виде, – предположил Лев и поднялся: – Пойду, посмотрю, как дела у Крячко, – может, помогу чем, а то дело уже к ночи идет, а он все никак не закончит.

Они вышли из кабинета и направились в сторону комнаты, которую Стасу отвели для допросов. Возле двери стояли, переминаясь с ноги на ногу, два охранника, а больше никого не было.

– Шеф! – сказал один из них. – Поскольку Станислав Васильевич никого задержать не велел, все уже по домам разошлись. У него сейчас наша кикимора сидит. Уже полчаса, между прочим. А мы тут стоим, как дураки, и ее ждем!

– Ну, раз все уже прошли, и она последняя осталась, мо-

жете идти, – сказал Нестор и объяснил Льву: – Они тут следили, чтобы никто не сбежал и все к Крячко попали.

Охранники ушли, а Гуров и Нестор вошли в комнату. Там напротив взмыленного и вымотанного Крячко сидела девушка, которую можно было описать одним словом «нелепая». Ее осветленные дешевой краской волосы с химической завивкой уже отросли и были темными у корней, да и мыла она их не меньше недели назад, и они лежали на ее голове засаленными прядями. Дешевая тушь осыпалась и теперь чернела под светло-голубыми, неумело подведенными глазами, брови были сильно накрашены, губная помада съелась, как говорят женщины, и осталась только по краешкам губ, а лицо лоснилось, потому что она или не могла его здесь припудрить, или просто забыла. Одета она была с претензией на моду, но вещи неизвестного производства давно уже потеряли и вид, и форму. Она настолько не вписывалась в обстановку этого клуба, что Нестор счел нужным шепотом пояснить:

– Ольга – посудомойка. Гости ее не видят, а наши уже привыкли. Работает старательно, посуду не бьет, а чего еще от нее надо?

– Да и платишь ты ей гроши, – тихонько добавил Лев.

– По работе и оклад, – пожал плечами тот. – И потом, у нее тут какая-то старуха на попечении, и она днем хоть и ненадолго, но выскакивает ее покормить, так что больше ей и не причитается.

Крячко же вертел в руках паспорт девушки и устало спра-

шивал:

– Оля, значит, когда ты приехала в Москву?

– Дяденька, – чуть не плача, говорила она. – Я ведь вам уже говорила, а вы даже записали. В июле, когда отец мачеху привел, а она меня невзлюбила, я из дома и уехала.

– Зарегистрирована ты по одному адресу, а почему живешь по другому? – тем же тоном продолжал спрашивать Стас.

– И это я уже говорила, – не менее устало отвечала девушка. – Родня меня прописала, дальняя, но вот жить у них негде. Они мне старушку нашли, здесь недалеко, чтобы я за ней присматривала, а заодно и жила там. Только денег все равно мало, вот я сюда по объявлению и устроилась. Всего неделю-то и работаю! Дяденька, отпустите меня! Я бабушку только завтраком утром и покормила – кто же знал, что я так задержусь. Она у меня голодная там.

Поняв, что Крячко уже мало что соображает, Нестор вмешался в разговор:

– Ольга! Иди отсюда! Завтра будет нормальный рабочий день, если Станислав Васильевич захочет у тебя что-то узнать, тогда и ответишь.

– Спасибо! – Она тут же вскочила, а потом робко спросила: – Говорят, завтра зарплата будет?

– Будет, – заверил ее хозяин клуба.

– Ой, спасибо! – обрадовалась Ольга и, схватив паспорт, а заодно продемонстрировав облупившийся вульгарно-розо-

вый лак на ногтях, выбежала из комнаты.

Крячко посмотрел на них покрасневшими глазами и возмутился:

– Нестор! Ты зачем ее отпустил?

– А чего ты к ней прицепился? – вопросом на вопрос ответил тот. – Или не видишь, что она дура пришибленная и с головой не дружит?

– Не нравится она мне! – решительно заявил Стас.

– Чем она тебе не нравится? – насторожился Гуров.

– Не знаю! Не нравится и все! – стоял на своем Крячко.

– Такая и после пяти бутылок водки не понравится! – решительно встрял Нестор, но Гуров отмахнулся от него и, сев напротив Крячко, сказал:

– Подожди, давай разберемся. Я тебя просил начать с тех, кто поступил сюда на работу после 25 мая. Она работает здесь всего неделю, почему ты оставил ее напоследок?

– Когда я ее вызвал, мне сказали, что она в туалете, ну, а потом общая очередь пошла. Я про нее и забыл и даже удивился, когда она вошла, – объяснил Стас.

– Но она очень торопилась к той старушке, почему же раньше не прошла? – удивился Лев.

– Да кто бы ее пропустил? – усмехнулся Нестор. – Ты представляешь себе, как здесь к ней относятся?

– Думаю, что с безгливой жалостью, – предположил Гуров.

– Без жалости! – поправил его тот. – А ты, Василич, не

переживай! Что сегодня не успел у нее спросить, завтра на свежую голову спросишь!

– Ладно! Уговорили! – проямлил Стас и почти просто-на-на: – Господи! Как я устал!

– Все! – решительно заявил Гуров. – Разъезжаемся по домам! Нестор! Где обещанные телефоны?

Они вернулись в кабинет, и хозяин клуба вручил им по коробке, добавив:

– Все внутри, а деньги на счет уже положили.

Лев и Стас взяли себе по телефону, занесли в них новые номера друг друга и Орлова, которому предназначался третий телефон, и Гуров повернулся к Нестору:

– У тебя этот номер есть? – Тот в ответ кивнул. – У тебя самого номер надежный?

– Не тот ты вопрос задал, Гуров! – поморщился Нестор. – У меня другого быть не может.

– Лучше подстраховаться – Попов же его знает. Так что доставай из закромов еще один телефон, по нему будем связь держать. И Старца с Лаптем предупреди, чтобы номера себе на время новые завели, не засвеченные, с них и говорите.

– А что с Поповым не так? – спросил Нестор, доставая из сейфа очередной телефон, номер которого Гуров тут же занес в свой новый сотовый, одновременно объясняя:

– А то, что он бывший чекист, хотя таких, говорят, не бывает.

– Ну, то, что у тебя ФСБ на хвосте, я сразу просек, но вот

что все от него пошло... – удивился Нестор, а потом заверил Гурова: – Хорошо, все сделаю.

– И еще! Если ты клиентов потерять не хочешь, а может, и сам клуб, то все записи немедленно уничтожь – как бы к тебе «гости» не нагрянули, а им такой компромат на довольно известных людей совсем нелишним будет. И охранников предупреди, чтобы в случае чего отвечали, что запись ни с одной камеры не ведется, а они только наблюдают.

– Ну, и каша заварилась! – помотал головой Нестор. – Неужели все из-за Юрки Попова?

– Пока не знаю, но лучше перебдеть, чем недобдеть.

– Прав ты, Гуров! Ох, и давно мы не шифровались! Ну, что? Будем молодость вспоминать!

– Вспоминайте! А мы поехали, и учти, что звонить мне можно только в самом экстренном случае! Очень надеюсь, что до утра ничего не случится, потому что три бессонные ночи подряд – это уже перебор!

Дома Гуров исключительно на автопилоте бросил в кипяток пакетик гречневой каши быстрого приготовления и пару сосисок, потом подумал и кинул еще две. Он засек время и обессиленно опустился на стул – день был просто сумасшедший. Его взгляд упал на начатый блок «Мальборо», но курить не хотелось совершенно, во рту становилось даже противно от одной мысли о сигарете. Лев встал и положил блок на самый верх навесного шкафчика, с глаз подальше.

Обжигаясь, он съел кашу с сосисками и рухнул на кровать в надежде на то, что уж этой-то ночью выспится обязательно.

Когда зазвонил телефон, Лев взвыл так, что, наверное, соседи проснулись. Нечеловеческим усилием воли он подавил в себе желание немедленно выбросить аппарат в окно и, сняв трубку, проорал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.